

**Сергей
Куц**

**Земля 2252.
ИНКОРПОРАЦИЯ**

Сергей Куц

Земля 2252. Инкорпорация

«Автор»

2026

Куц С.

Земля 2252. Инкорпорация / С. Куц — «Автор», 2026

Брат и сестра Андрей и Евгения Ливадовы перенесены из двадцать первого века в двадцать третий, эпоху постапокалипсиса. После Третьей мировой войны и Судного дня Земля разделена между тремя огромными корпорациями, заменившими прежние правительства государств, которых больше нет. Чтобы выжить, чтобы вырвать у жестокого мира шанс найти друг друга и вернуться в прошлое, брату и сестре нужно стать частью двух разных корпораций. Они должны инкорпорироваться. Самый простой путь для этого — военная служба. Андрей теперь рекрут корпуса морской пехоты Синей корпорации. Женька — новобранец десантно-штурмового полка в Красном секторе планеты. Они примут присягу и будут служить с оружием в руках новому миропорядку, иначе не выживут

© Куц С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. ПЕРЕЛЕТ	7
Глава 2. УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ	12
Глава 3. МЕДИЦИНСКИЙ БОКС	17
Глава 4. ПРИСЯГА	22
Глава 5. ВЗВОД	27
Глава 6. ТРЕВОГА	32
Глава 7. КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ	37
Глава 8. В УСИЛЕНИЕ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Куц

Земля 2252. Инкорпорация

ПРОЛОГ

Пройдя через оцепление морских пехотинцев в черной броне, вице-президент частной военной компании «Белая голова» направился к полковнику. Коммерсант был в камуфлированном под лес экзокостюме. Броня на штатском — как седло на корове. Полковник крепко выругался и мрачно уставился на вице-президента «белоголовых», с которым посчастливилось координировать проведение карательной операции. Чтоб его разорвало...

Этот вечно улыбающийся недоносок постоянно лез не в свое дело. И хоть тресни, но ни его должности, ни фамилии нет в составе совместной экспедиционной группы корпуса морской пехоты и корпорации «Белая голова». Однако именно вице-президент «белоголовых» руководил наемниками частной военной компании, а вовсе не штаб группы. Армейцы отвечали за операцию в целом, но приказы штаба или начальника экспедиции выполнялись наемниками исключительно после подтверждения вице-президентом «Белой головы».

Вдобавок он постоянно требовал пояснений и разъяснений о ходе операции, и это раздражало особенно сильно. В Диких землях бог и господин — старший офицер, но только не в данной экспедиции. Тут везде сует свой длинный уродский нос чертов штатский! Вчера удалось избавиться от него лишь сославшись на секретность, однако он снова появился в полевом штабе, как только началась бомбардировка. Пробыл здесь недолго, и вот поутру опять нарисовался.

— Местность зачищена, — сообщил вице-президент.

Именно, что сообщил! Не доложил, а сообщил!.. Полковник сделал вид, что не услышал.

— Местность зачищена! — повторил «белоголовый», в его голосе прорезалось раздражение.

— Мне это известно, — сухо ответил полковник.

— Вот как? Но если бы не ваш отказ синхронизироваться с моим негчипом...

— Хотите услышать отказ снова? — демонстративно перебил офицер вице-президента.

Лицо «белоголового» налилось краской. Он с вызовом посмотрел на полковника и продолжил:

— Если бы не ваш отказ синхронизироваться, сэр, то вы узнали бы о том, что мои люди завершили свою часть работы еще полтора часа назад.

Полковник оценивающе оглядел вице-президента, словно раздумывая, не посадить ли того в изолятор на день или два, и после затянувшейся паузы спросил:

— Ваши люди или тени?

— Мои люди закончили нашу общую часть работы, — заявил вице-президент «Белой головы», и заметив презрительный взгляд офицера, побагровел еще больше.

Первыми в поселение вошли не «белоголовые», а бойцы из небольшой компании «Тень». На них легла самая грязная и тяжелая часть операции — ближний бой и первоначальная зачистка. «Белоголовые» взяли теней на субподряд, такое не запрещалась соглашением между корпусом морской пехоты и компанией «Белая голова».

Договор ставил точку в противостоянии с главным конкурентом «белоголовых», который давно вышел за рамки дозволенного частникам, и Совет директоров Синей корпорации наконец санкционировал карательную операцию. Некоторые пытались ее остановить, и это могло получиться, но после расстрела поезда отменить либо отсрочить решение Совета директоров

стало невозможным. Операция началась в ночь с шестнадцатое на семнадцатое декабря две тысячи двести пятьдесят второго года.

Частники... Полковник всегда презирал наемников и с превеликим удовольствием принял непосредственное участие в ликвидации одной из военных компаний, но это не значит, что ему хоть в чем-то симпатичней «белоголовые» или, скажем, тени. К дьяволу их всех! После этой ночи исчезли сразу тринадцать опорных баз зарвавшихся частников и вместе с ними одна компания. «Белоголовые» при поддержке корпуса морской пехоты уничтожили конкурента. Но какая разница? Одной частной военной компанией меньше, одной больше!

— Каковы ваши потери и потери ваших субподрядчиков? — спросил полковник.

— Они незначительны.

— А точнее?

— Я же сказал, незначительны!

— Незначительны... Хм... Все ясно, — полковнику хотелось высказаться в ином тоне. Он бы не потерпел рядом офицера, которому неизвестны точные потери в личном составе и технике, но нельзя срывать при подчиненных.

— Желаете узнать от меня что-нибудь еще? — вице-президент собрался покинуть штаб.

— Желаю. По договору вы передаете нам всех задержанных, включая тяжелораненых.

Сколько вы удерживаете?

— Почти три сотни человек. Но думаю, что никто не подойдет вам, и поэтому...

— В этом вопросе вам думать не полагается! — полковник на мгновение потерял над собой контроль и повысил голос. — Вы предоставляете нам всех удерживаемых лиц!

— Конечно...

— Всех! Мы сами решим, кто нам подойдет, а кто нет! Остальных забирайте!

Глава 1. ПЕРЕЛЕТ

— Нет, это не Рио-де-Жанейро, — пробормотал Андрей, — это гораздо хуже.

Известная с детства фраза вспомнилась не случайно. Спустившись по трапу, Ливадов оказался на взлетно-посадочной площадке, окруженной неширокой травянистой полосой и серыми приземистыми зданиями военной базы. Наверняка это военная база... и не похожа она на Бразилию, чье название Андрей несколько раз слышал за время многочасового перелета. Бразилия ассоциировалась с ярко-синим океаном, широченным песчаным пляжем и белыми высотками за ним, а еще фигуристыми красотками и атмосферой полной расслабленности.

Ничего подобного Ливадов не увидел, а ведь несколько раз слышал из уст конвоиров слово «Brazil». Они же о Бразилии говорили? Название южноамериканской страны отчетливо угадывалась в их разговоре, даже если не понимаешь языка, на котором те общались; как, например, не понимал Андрей. Но упоминали же Бразилию солдаты и их офицер!

У каждого из них на правом плече имелась нашивка в виде трех букв «USA» и звездно-полосатого флага. Поверх камуфлированных под саванну комков надеты разгрузки, вооружены бойцы штурмовыми винтовками. На глазах очки с оранжевыми стеклами, наверное, пластиковые; у всех кепки. Высокие берцы в тон камуфлированной форме.

Восемь пехотинцев и офицер конвоировали почти четыре десятка пленников — работают в полосатых робах, в числе которых был и Андрей, а также пятерых бывших бойцов в черных комках с нашивкой в виде белого щита с черным крестом. Рабы и их надзиратели из разгромленного этой ночью городка подле нефтеперерабатывающего завода. Ливадов называл вояк в черной форме «тевтонцами».

Во время атаки на городок Андрей смог завладеть оружием и попытался выскользнуть за периметр боя, однако снова оказался в плену. Городок атаковали наемники из военной компании «Белая голова» — Ливадов хорошо запомнил их эмблему. Они охраняли вокзал в мертвом Ярославле, а потом сопровождали поезд, что увез из города Андрея и его тогдашнего хозяина Рамиреса.

На поезд напали. Под составом подорвался фугас, вагоны сошли с рельсов, начался бой, но сопротивление бойцов «Белой головы» быстро и умело подавили. Нападавшие разделили выживших пассажиров на две части — свободных граждан расстреляли, чтобы не оставлять свидетелей, а их рабов перевезли в городок при нефтеперерабатывающем комплексе, где на всех натянули черно-белые полосатые робы. На третий день в прекрасном новом мире судьба избавила Андрея от прежнего хозяина и его ошейника, чтобы сделать собственностью безликой и бездушной компании, чьи бойцы охраняли поселок, завод, а также уничтожили поезд.

Три дня... А как будто минула целая жизнь! Ну или половина жизни. Какими же долгими оказались эти три дня...

Ответ «Белой головы» вышел быстрым — удар был нанесен в первую же ночь после уничтожения поезда. Ливадов не думал, что окажется пешкой — даже не солдатом, а рабом — в войне двух компаний. Однако проснулся от грохота воздушной бомбардировки. Сбежал из барака, вооружился, но уйти из поселка не удалось. Лишился сознания, видно, вдохнул какой-то дряни, когда наткнулся на одного из нападавших, и очнулся уже утром в наручниках с мигающим зеленым светодиодом. Рядом с другими выжившими после разгрома городка и уничтожения завода. Под сотню их было, в основном рабы в полосатых одеждах и с десятков разоруженных «тевтонцев» — все без исключения в наручниках.

Оборону гарнизона сломали без шансов для защищающихся. Скорее всего потому, что ответ «Белой головы» был сделан при поддержке настоящей армии. После пробуждения Андрей заметил среди наемников «Белой головы» медиков и офицера без брони, у которого

на груди под именем и фамилией была надпись «USA», а рядом с ней — камуфлированный американский флаг. Офицер напевал знакомую песню и внимательно разглядывал пленников.

— You're in the army now...

«Теперь ты в армии». Андрей помнил перевод этой строчки, для этого не требовалось знать английский язык. «Теперь ты в армии»... К чему офицер напевал эту песню? Для него она древняя, как дерьмо мамонта! Однако американец снова и снова повторял знакомые строки. Ливадову казалось очень важным понять, почему офицер не умолкает. Хотя какая разница-то?..

Когда офицер ушел, медики придирчиво осмотрели каждого пленника и отобрали два десятка самых крепких на вид мужиков: выбирали тех, кто моложе. Отделили от остальных, и среди этих двадцати отобранных пленников оказались Андрей и пятеро бывших «тевтонцев».

Пятеро других солдат в черной форме, которые остались с большинством других пленников, стали выглядеть как-то совсем нехорошо, и дело вовсе не в ранениях. На их лицах читалось неприкрытое отчаяние. Зато у пятерки «тевтонцев», которых в числе двадцати отобранных пленников отвели в сторону, явно отлегло на душе. Чему они радовались? Андрею тогда подумалось, что посчастливилось попасть в число везунчиков, только, конечно, не понимал, в чем заключается это везение.

Скоро появились трое их нынешних конвоиров, они увели счастливых за периметр разгромленного города. За его пределами в поле был разбит небольшой палаточный лагерь, а за ним высились серые борта конвертопланов и пяти десантных кораблей. На машинах опознавательные знаки — белая звезда на темно-синем круглом поле с двумя белыми горизонтальными полосами.

Пленников освободили от наручников и подвели к конвертоплану с номером 765. Большие белые цифры отчетливо выделялись на обшивке, покрытой серой краской. Это была грузовая машина с сиденьями вдоль обоих бортов, на которых уже устроились два десятка человек в полосатых робах. Меж ними прохаживались два морпеха со штурмовыми винтовками наперевес.

Появились офицер и еще три автоматчика. Андрея и остальных прибывших загнали внутрь. Следом зашли конвоиры. Офицер что-то потребовал и все, кто был на ногах, начали рассаживаться по пустующим местам. Затем офицер проорал что-то еще, и все без исключения натянули на себя страховочные ремни.

Пристегнулись даже конвоиры — отделение морпехов и их командир разместились в центральной части грузового отсека. Конвоиры устроились так, чтобы до ближайшего пленника было не менее пяти свободных мест. Полупустой отсек конвертоплана позволял разместиться таким образом. Андрей сидел через десять сидений от ближайшего морпеха.

В хвосте машины внутрь втянулся трап, по которому только что поднялись на борт. Закрылся люк, и почти сразу появилось ощущение полета. Летели долго.

Когда Андрей в первый раз услышал про Бразилию, по его ощущениям минуло часа три или четыре, и к тому времени здорово хотелось есть. На обед Ливадов особо не рассчитывал, но каково же было его удивление, когда раздали сухпайки. Их разносили два пленника. Один из морпехов увел их к перегородке, за которой должны были располагаться кабина управления и вспомогательные отсеки. Нырнув в открывшийся люк, рабы скоро вернулись с плоскими коробками в руках. Это удивительно: и дело даже не в кормежке, а в том, что пленники и морпехи получили совершенно одинаковые сухпайки.

Потом несколько других рабов собрали мусор, и скоро выяснилось, что можно свободно посещать туалет, но только по одному — конвоиры отслеживали это, да гавкали, когда им казалось, что кто-то слишком близко подошел к ним. Впрочем, пленники в полосатых робах были покорны судьбе. Андрей заметил косые взгляды на охрану только у своих прежних над-

зрителей, однако бойцы в черной форме старательно прятали взор от морпехов и тоже вели себя тише воды.

— Brazil.

Андрей услышал это слово в последний раз перед посадкой. Не сказать что его ожидания никак не оправдались — вон кое-где видны пальмы, но все же без океана это не Рио-де-Жанейро. Ливадов повторил забавную присказку, чтобы поднять себе настроение, и побрел вместе с остальными пленниками от конвертоплана.

Их отвели метров на пятьсот от летательной машины, которая осталась рядом с точно такими же конвертопланами. Андрей насчитал на бетонной площадке десять машин, а за ними высился целый ряд ангаров с высокими воротами, около некоторых видны люди.

Пленников выстроили в шеренгу, напротив которой замерли растянутой цепью восемь солдат и офицер. Морпехи застыли в одинаковом положении, по-уставному. Лишь офицер порой выискивал взглядом что-то за спинами пленников и позволял себе переминаться с ноги на ногу.

— Чего ждем? — тихо, под нос произнес Андрей. Говорить ему не с кем: не знает языка ни пленников, ни солдат с нашитым на форме американским флагом. Судя по всему, морпехи говорят по-английски и большинство пленников их понимают.

А он нет, и Рамиреса больше нет, с которым можно было хоть словом перекинуться. Сдох Рамирес, и ничуть не жаль его. Ливадов не испытывал ни капли сочувствия к бывшему хозяину, но вдруг почувствовал полное одиночество. Когда не понимаешь ни слова из разговоров окружающих, ощущаешь одиночество, хоть бы и посреди толпы. Либо в шеренге из сорока человек, как это было сейчас.

По ощущениям, утро. Наверное, ближе к полудню, и жара берет свое. Здесь, то ли в Бразилии, то ли не в Бразилии, с солнцем полный порядок. Не такое безжалостное, какое было над городком при нефtezаводе, но тоже припекает. Хотелось пить, и глядя на рожи своих товарищей по несчастью, Ливадов думал, что они тоже не отказались бы от воды.

Офицер вдруг вытянулся по струнке, окаменев, как и его подчиненные. К ним ехал джип; не трудно догадаться, что автомобиль везет начальство. Андрей покачал головой. Понятно, что угодил в американскую армию, только зачем воякам пленники? Либо на хозработы кинут до скончания века, либо зачислят в ряды доблестных вооруженных сил.

Это лучше или хуже таскания мешков с цементом? Ливадов не знал. Для него главное свобода, но из армии сбежать будет явно непросто. Да и куда бежать? Летели в эту чертову Бразилию долго. Наверное, он сейчас за Атлантическим океаном; намного дальше, чем был от Женьки еще вчера. Вспомнив о сестре, Андрей помрачнел.

Джип привез трех офицеров, солидных и важных, в возрасте, с посеребренными волосами. Все еще крепких, поджарых и загорелых, с колкими взглядами — настоящие псы войны. В темно-зеленой форме и фуражках, на ногах черные туфли. На кителях наградные планки, на плечах погоны с большими звездами. Прибывшие офицеры холодно посмотрели на личный состав конвойного отделения и презрительно — на ряд пленников. Откровенно неодобрительные взгляды достались пятерым в черных комках.

Командир отделения отрапортовал старшему офицеру, который стоял чуть впереди двух других, и, отступив на три шага, замер за спиной начальника. Старший офицер снова обратил взор на пленников. Прошелся вдоль строя, оглядывая их с головы до ног, и разочарованно мотал головой почти каждый раз, когда оставлял за спиной очередного невольника. Ливадов его тоже не впечатлил. Чего ему нужно?

За все время, пока старший офицер следовал вдоль строя, никто не проронил ни слова. После осмотра офицер вернулся к двум другим, приехавшим с ним, и громким поставленным командным голосом обратился к пленникам. Андрей, конечно, не понял ни слова; на сей раз

только подумалось, что старший офицер говорил чересчур театрально. Впрочем, из-за незнания языка это впечатление могло быть обманчивым.

Когда с речью было закончено, подъехали два бронемобилей, из которых высыпали еще два отделения морпехов: без экзоскостюмов, но в полной выкладке, в таких же камуфлированных комках, как у конвоя.

Старшие офицеры покинули взлетно-посадочную площадку, джип увез их. Прозвучали громкие отрывистые команды. Солдаты выдергивали из шеренги то одного, то другого пленника, и по два автоматчика начали уводить сведенных в пятерки людей в сторону приземистых строений, откуда изначально прибыли старшие офицеры и позже — два отделения морпехов.

Ливадов не понимал, по какому принципу выхватывают людей из общего ряда. Судя по взглядам других пленников, они тоже растеряны и не могут сообразить, что происходит. Суматоху добавила очередь в воздух из автомата. Оглянувшись, Андрей увидел двух морпехов, чьи берцы пинали лежащего на бетоне «тевтонца». В воздух стрелял третий солдат, он был рядом и орал на четверку пленников в черной форме.

Они со злостью смотрели на морпехов, кто-то даже сжимал кулаки, но выручать товарища не бросились; и правильно сделали. Потому что к месту стычки уже спешили несколько других морпехов и два офицера. Солдаты демонстративно передергивали затворы штурмовых винтовок. Будет нужно — пристрелят и не поморщатся.

Андрей мысленно выругался. Рановато он радовался за сухпай и относительную свободу на борту конвертоплана. Здесь тоже не сахар.

— You! «Ты!» — здоровенный морпех толкнул Ливадова в плечо.

Как он оказался за спиной? Не ожидавший толчка Андрей полетел вперед и едва не растянулся у ног очередных пленников, которых вырвали из поредевшей шеренги.

— Сука... — Андрей прикусил язык. — Откуда ты взялся?

Когда Ливадов поднялся, подвели пару новых пленников. Потом два солдата бегом погнали очередную группку задержанных по бетонной дороге в сторону базы. Солдаты что-то кричали на ухо то одному, то другому из них. Наверное, пообещали пристрелить, если споткнешься или остановишься.

Бежалось легко. Андрей был уверен, что морпехи устанут быстрее — солдаты были в полных разгрузках и со штурмовыми винтовками. Но он и четверо других пленников начинают выдыхаться, а двум конвоирам нипочем. Только орут, гады, сильнее и злее.

— Черт! — Андрей чуть не наступил на пленника, который бежал впереди и свалился на бетон.

Он умер. Сердце не выдержало или что-то еще. Правда, Ливадов понял это не сразу. Конвоиры сначала разразились ором и пинками — лупили упавшего и подозрительно неподвижного пленника, но недолго. Вдруг успокоились, один перевернул пленника на спину и закрыл выпученные остекленевшие глаза. Мертв.

Эта смерть позволила перевести дыхание. Цинично оценивать чужую жизнь несколькими мгновениями собственного отдыха, но этот мир давно приучил Ливадова к жестокости. Он тоже становится черствым и злым, и не может ничего с собой поделать. Да и не хочет!

Морпехи вновь зарычали и погнали пленников дальше. Снова бегом!

Когда добрались до забора из прутьев и сетки, отделявшего аэродром от базы, Андрею казалось, что сейчас он тоже кончится. Его спас контрольно-пропускной пункт, вовремя оказавшийся на пути. Ливадов согнулся в пополам, жадно хватая воздух. Хотелось просто упасть на землю, как сделали трое его сотоварищей по забегу, но надо ходить — быстрее восстановится дыхание. Андрей перевел взор на аэродром, от которого вели группки других пленников. Пешком! Какого же хрена их-то заставили бежать, будто собирались загнать до смерти? Одного и загнали...

Они опередили всех, кого вели к базе. Конвоиры довольно скалились, вскидывали правую руку и показывали своим большой палец. Забег с пленниками был для морпехов развлечением. Они первыми очутились у базы, хотя им тоже было нелегко, но держались хорошо, сил для веселья у них предостаточно.

Один из морпехов скрылся внутри здания КПП и, к радости пленников, застрял внутри надолго. Когда показался вновь, все уже отдышалось. Андрея и остальных провели за ограждение, за которым он не увидел ничего особенного — только двух- и трехэтажные корпуса, прямые линии дорог, все по-военному чисто и строго, а людей, кстати, немного.

Шли недолго, скоро свернули к медицинскому боксу. При входе в двухэтажное здание на флагштоке развевался белый флаг с красным крестом. Первым делом погнали в душевую, после которой выдали белые пижамы, тапочки и стальные наручники. Андрей спокойно смотрел, как щелкнули на запястьях браслеты. Он ожидал нечто подобное и не собирался рыпаться. Сейчас не время. К пленникам приставили новую пару конвоиров — санитаров-мордovorотов с электрошокерами, и те начали водить вверенную им четверку в наручниках по кабинетам.

Обычное медобследование, какие случались не раз и не два в прошлой жизни Ливадова, только оборудование в кабинетах было необычное, и он ничего не понимал, когда его спрашивали. Один из санитаров, который всегда находился в кабинете, пока другой сторожил трех других пленников в коридоре, усаживал Андрея куда надо, клал его руку на нужный прибор, жестами указывал куда смотреть и что вообще делать.

Происходящее обнадеживало, вряд ли подобные процедуры будут проводить ради изучения здоровья рабов. Ливадов решил, что среди пленников отбирают годных для военной службы. И опять подумал про нее. А что? Кому нужна наигранная речь старшего офицера перед строем пленников... Нужна ли она, если и здесь заставят таскать мешки с цементом? Нет, не нужна. Но воодушевить будущих братьев по оружию — это другое дело.

Ну а что до перспективы добровольно-принудительного зачисления в ряды американской армии? Вероятно, это не самый плохой вариант, с учетом нынешних обстоятельств. Опять же лучше бегать с автоматом, чем подыхать на разгрузочных работах. Будь что будет! Разберемся по обстановке!

Кабинетов было много, и четверка часто пересекалась с группками других пленников, которых тоже пасли по два верзилы-санитара. Под конец — Андрей почему-то решил, что медосмотр заканчивается — всадили несколько уколов. Врач что-то объяснял на этот счет, и скорее всего, говорил про прививки — Ливадов, разумеется, ничего не понял и просто решил, что именно о них идет речь.

Направились к следующему кабинету, куда зачем-то завели сразу всех четверых, группой. Что-то не так... Взор плывет... Вдруг подкосились ноги... Андрей упал бы, не окажись рядом стена, об которую смог опереться. Что происходит? Зачем их привели в операционную? Андрей встряхнул головой, чтобы прояснить взор, однако не помогло.

Глаза закрылись... Сознание отключилось.

Глава 2. УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ

— Все плохо, — сообщил новобранцам майор. — Все очень-очень плохо.

Говорил он четким, громким голосом. Офицера слышали все новички, построенные в шеренгу по двое; и мрачное до невозможности лицо майора Морова видели тоже все.

Евгении Ливадовой хотелось поежиться, но команду «Смирно» майор не отменял, а что это за команда, молодой состав уже усвоил — вытянуться, чуть податься вперед, смотреть прямо перед собой и, когда нужно, коситься на офицера, дабы не пропустить ничего важного. Женька, конечно, переврала смысл команды, чтобы самой лучше ее понимать и выполнять, но в общих чертах все верно.

Строевая стойка у Женьки правильная, по крайней мере, для новобранца, никто ведь не указал на иное. Но лучше бы оказаться во второй шеренге, укрывшись за спиной боевого товарища... Да, именно так, и уже не единожды, да с разной степенью пафосности им сообщили о боевом товариществе, но... Все равно лучше укрыться за чужой спиной от гнетущего и выворачивающего наизнанку взора майора Морова. Однако тот требовал, чтобы в первой шеренге находились те, кто ниже ростом, поэтому спрятаться на следующем построении не выйдет.

Нужно просто стоять в строю, и никого не волнует, что молодняк с непривычки после многокилометрового марша едва держится на ногах. Зато майор сделал неутешительные выводы о физической форме новобранцев.

— Все очень плохо, — повторил он и, поджав губы, покачал головой.

Будто ждал, что кто-нибудь прямо сейчас свалится без чувств на плац. Однако строй держался, никто не падал и даже не переминался с ноги на ногу. Майор тоже держался — менее мрачным офицер не становился и все так же обводил молодняк тяжелым взглядом.

— Сейчас выхватит пистолет и пристрелит кого-нибудь... — сзади послышался смешок, а следом еще несколько. Женька невольно улыбнулась и краем глаза заметила, что ее соседям шутка также понравилась. Эту мимолетную слабость можно себе позволить, потому что майор отвлекся на семерых других офицеров, что вышли на плац и направились к новобранцам, отчего не услышал остролова и не заметил ухмылок на физиономиях новичков.

Уж чего-чего, а внимания Морова к своей персоне Ливадовой точно не нужно. Девушка не понимала, как офицеру удалось внушить к себе страх, хотя тот провел с новобранцами меньше суток, но в их взглядах, направленных на майора, читалось неприкрытое опасение. Лучше, мол, с этим придурком не связываться. Наверное, никто не удивится, если майор в самом деле вытащит из кобуры пистолет и пристрелит кого-нибудь из них в воспитательных целях.

— Застрелит и потом три наряда вне очереди влепит, — добавил шутник из задней шеренги.

Майор Моров почувствовал неладное во вверенном подразделении и оглянулся, обедев роту грозным взглядом из-под черного козырька офицерской фуражки. Женька сделала каменное лицо, она смогла сдержать улыбку и преданно смотрела на офицера. Казалось, что взор майора прожжет ее насквозь, но Моров уделил каждому из новобранцев, на которых мельком посмотрел, не дольше мгновения.

На пункте сбора, куда Ливадова прибыла ровно в восемь утра двадцать третьего декабря — на следующий день после выписки из больницы — Моров первоначально казался совсем иным человеком. Он был довольно молод, чуть больше тридцати, среднего роста, подтянут и с виду крепок. Шутил с медиками и прочим персоналом сборного пункта. Лицо приветливое, и оно не становилось суровым, едва взор падал на новобранца, как у других офицеров, которые то и дело появлялись в коридорах, где вдоль стен жались будущие контрактники.

Моров даже посочувствовал девушкам. Новобранцев не делили по половому признаку, и всем, парням и девицам, приходилось вместе разгуливать в одном нижнем белье во время прохождения медицинской комиссии. Хорошо хоть лифчики не запрещались, но надеть их перед сборным пунктом догадались не все — девушки краснели, когда приходилось поднимать взор от пола.

— Привыкайте, — сказал кому-то из них майор, — в армии все единообразно. Казармы общие и душевые тоже.

Эти слова вогнали Женьку в жар и ступор, мелькнула даже мысль бросить военную службу, не начиная ее, и уйти из сборного пункта. Но что ждет за его пределами? Безысходность и проституция? Либо сразу прыгать в постель к Воронцову? Она, конечно... Ей придется найти сына президента и просить о помощи, чтобы найти брата. Придется платить, и Воронцова деньги точно не заинтересуют, но это будет потом, а сейчас...

Остались еще два кабинета, и Ливадова сказала себе, что совместную казарму и душ как-нибудь переживет, привыкнет. Всяко не страшнее, чем участь раба или проститутки. Вон и майор, который собирает команду новобранцев, милый человек. Наверное, поможет обжиться в новой для Женьки реальности, ну хотя бы советом.

Да! Привыкнет! Тем более что не одна такая. Вчера Женьке думалось, что будет белой вороной, но она далеко не единственная. Других девушек, которые собрались начать военную службу, на сборном пункте обнаружилось немало. Девчонок если не треть, то с четверть точно будет, и почти все они полуграждане. Из потенциальных сослуживцев явное большинство неграждане.

Для граждан медкомиссия — формальность: индивидуальная система в один миг могла предоставить всю нужную информацию о здоровье потенциального новобранца. Но у полуграждан есть только некродот, чья единственная функция — это сжечь головной мозг после смерти. Поэтому для них комиссионное обследование было полноценным. Впрочем, и для граждан тоже — отныне все одинаково.

— Все рядовые в наших доблестных вооруженных силах абсолютно равны, — пояснил на первом построении после подписания контрактов майор Моров, он уже тогда начал хмуриться, — хоть ты баба, хоть мужик, но за любые половые связи при несении службы схлопочете военно-полевой трибунал. А в учебной части вы несете службу круглые сутки. Все слышали? Глухие, немые и слепые — шаг вперед!

Инвалидов среди только что признанных полностью годными к военной службе не нашлось.

— Повторяю! За любые половые связи до присяги — получите трибунал! А еще химическую кастрацию и лишение гражданства, — продолжил Моров, — для неграждан — лишение полугражданства. В остальном...

Насчет трибунала и прочего, что полагалось за интимную близость, офицер преувеличивал, но тогда про это еще не знали. Новобранцы испуганно смотрели на переменившегося, будто озверевшего майора. Глаза Морова хищно блеснули, а рот растянулся в многообещающей улыбке.

— В остальном граждане и полуграждане рядового состава абсолютно равны, но вы даже не рядовые. Вы всего лишь подписали контракт, до присяги еще две недели! Вы молодой состав, и с момента появления подписи под контрактом я вам мамка и папка. Я майор Моров Аркадий Александрович командир вашей второй роты. Две тысячи двести восемнадцатого года рождения. Холост. Детей нет. Всем понятно?

Услышав в ответ: «Так точно», Моров недовольно скривился, ему не понравился нестройный хор голосов. Но в целом майор оказался удовлетворен. Эта толпа уже усвоила первый урок: на вопрос старшего отвечать нужно: «Так точно», либо: «Никак нет».

— Вам повезло, — в голосе офицера прозвучала гордость, — вы начинаете службу в учебном батальоне десятого отдельного десантно-штурмового полка. Я, майор Моров, как командир вашей вновь собранной второй роты, прослежу, чтобы зачисление в полк получили только достойные. Слунтяи и недоумки в десанте не нужны! Есть такие? Выйти из строя!

Моров обвел лютым взглядом притихших новобранцев, выискивая дрогнувших, и нашел-таки. С правого края построения вышел белообрый озирающийся паренек. Майор приказал подойти к нему. Незадачливый новобранец направился на негнущихся ногах к офицеру, и, когда оказался рядом со страшным майором, Моров неожиданно протянул ему руку.

— Благодарю за честность! — громогласно объявил офицер, сжав ладонь парня в крепком рукопожатии. — Встать в строй!

Растерявшийся парень непонимающе уставился на майора.

— Встать в строй, новобранец! — заорал Моров. — Бегом!

Парня буквально сдуло, он занял прежнее место за секунду, а у Женьки взмокла спина.

— Недоумки! — кричал офицер. — Все до единого дегенераты! Вы даже контракт не читали, а там черным по белому написано, что расторжение его возможно только по инициативе командира полка!

Позднее Женька и остальные узнали, что предложение расторгнуть контракт на первом построении, «пока еще не поздно», было обязательным гвоздем программы майора Морова. После этого обычно появлялись приписанные к сборному пункту сержанты, которые получали от него команду начать посадку личного состава в автомобили.

Новобранцев разместили в кузовах бронированных грузовиков, в каждом — по два условных отделения в десять человек. Вместе с ошалевшим молодняком в путь до учебки отправлялись и сержанты сборного пункта.

— Туда и обратно, — сказал один из них и подмигнул незадачливому пареньку, которого майор обломал с расторжением контракта.

Он оказался в одной машине с Женькой и остальными, пока еще безмянными боевыми товарищами. На честного, как назвал его майор Моров, паренька косились, а кое-кто и ухмылялся, но любая попытка подать голос мгновенно пресекалась грозным окриком сержанта:

— Разговоры!

Новобранцы уселись по креслам с высокими спинками вдоль противоположных бортов грузовика. Первоначально Женька не придавала значение тому, насколько они удобны, словно в автобусе дальнего следования, но потом не раз и не два мысленно благодарила конструкторов грузовика за предусмотрительность и милосердие к солдатским задницам.

Ехали долго. Весь оставшийся день! При этом сделали только три остановки — для отправления естественных надобностей и получения пластиковых баклажек с холодной газированной водой, за что огромное спасибо. Новобранцев в пути не кормили, но хотя бы с питьем проблем не было.

Марш в армейских грузовиках продолжился вечером и после заката солнца. Грузовики везли их всю ночь, и все время в потолке горел ряд лампочек, которые не давали Женьке уснуть. Удобные кресла и садистский свет... Кто придумал их совместить? Неужели добрые конструкторы?... Ливадова вдруг поняла, что заснула и бредит дурными мыслями.

Девушка встряхнулась и часто-часто заморгала. По ощущениям, снаружи глубокая ночь — рядом сопят и ворочаются товарищи по несчастью. Лица у всех измождены, помяты, и в свете потолочных светильников неестественно бледны. Все измучены, на кого ни взгляни. Только у сержанта морда кирпичом. Спокойно дремлет в кресле впереди, словно оно и родило его вместо матери, и в нем же он провел два с половиной десятка лет, дослужившись до сержантских лычек.

А Женька вымоталась до предела. Настолько, что больше не смогла заснуть, как ни пыталась; так и провела остаток ночи в мерно урчащем грузовике. Даже обрадовалась, когда машина остановилась, и сержант скомандовал подъем.

— Просыпайтесь! — он прошелся по кузову, тормоша тех сладко спавших новобранцев, кому нипочем были ни команды, ни шум, что подняли их боевые товарищи.

Как только сонный, взъерошенный, жмующийся от прохлады раннего утра молодняк выбрался из грузовиков, прозвучала уже привычная команда строиться. С этим не мешкали и быстро встали в две шеренги на обочине дороги.

Колонна грузовиков, которую возглавлял джип военной полиции, замерла у перекрестка посреди бескрайних полей. Пасмурно, капал мелкий противный дождик. Майор Моров прошелся вдоль строя и после заслушал краткий доклад от сержантов, сопровождавших молодняк в кузовах бронемобилей. Потом колону новобранцев развернули к последнему кунгу.

Подходили к нему по одному, каждый называл себя и получал пакет, помеченный его фамилией, с комплектом летней формы и обуви — темно-зеленая майка, трусы-шорты и носки, камуфлированные под лес куртка с капюшоном, штаны, кепка, брезентовый ремень. Берцы были темные.

Взамен в кузов кидали свои сумки. Судя по пренебрежительному отношению сержантов к личной клади новобранцев, те прощались с ней навсегда. Женька помнила предупреждение, которое получила перед прибытием в сборный пункт, и не взяла с собой ничего лишнего: на ней только юбка, блузка, пиджак и туфли да нижнее белье — к ужасу Ливановой, в новую одежду приказали облачиться немедленно, и полностью раздеваться нужно прямо на месте.

— Привыкай... — сквозь зубы процедила Женька, расстегивая пиджак. Она покраснела и опустила взор к земле, но хотя бы раздевается не первой из девушек. На них, конечно, смотрели, но без сальных шуточек или комментариев, и на том спасибо.

Переодевшись, Ливадова сложила в пакет гражданскую одежду и закинула в кузов грузовика к личным вещам других новобранцев.

Небо так и не прояснилось, мелкий дождик капал не переставая. Новая форменная одежда стойко держалась и долго не намокала, однако если идешь под дождем несколько часов кряду, то и такая промокнет, а рота майора Морова вместе с сержантами из сборного пункта продолжила марш в пешем порядке. Вышли ранним утром и добрались до воинской части только к полудню.

Женька так устала, что совсем не оглядывалась по сторонам, когда колонна новобранцев прошла через гостеприимно распахнутые ворота. Их вывели на плац, за которым уже поставили большие темно-зеленые армейские палатки — наверное, для новоприбывших — и майор Моров неожиданно смилоствовался:

— Отдых! Полчаса! — скомандовал он.

Вымокший, голодный молодняк уселся прямо на мокрый асфальт. Женька успела заметить на гладко выбритом лице Морова презрение, когда офицер смотрел на них, слабаков, и почти сразу к майору вернулся мрачный настрой. Как бы не пришлось пожалеть об испачканных на мокром асфальте задницах.

Через тридцать минут, когда прозвучала команда к новому построению, дождь так и продолжал моросить. Новобранцы поднялись и торопливо выстроились в две шеренги. Промокшие, уставшие и голодные. Почему нельзя было завести их в палатки? Хотя бы от воды сверху укрыться, ну хоть на время... Женька вздохнула.

— Рота, равняйся! Смирно!

Ливадова вытянулась и устала на майора Морова, который мрачно оглядел вторую роту учебного батальона и сообщил, что все плохо. С минуты на минуты прибудет начальство, а до тех пор не помешает подержать молодняк в строю.

Команда «Вольно» прозвучала только после доклада майора Морова командиру батальона о прибытии пополнения. Вместе с командиром учебного батальона на плац явились командир полка, начальник штаба полка и четыре человека из сержантского состава. Офицеров и сержантов отличали только форма и возраст, а в остальном они казались братьями. Похожие лица, цепкие взгляды, выверенные движения. Крепкие и подтянутые, в идеально подогнанной форменной одежде, и дождь им ничуть не мешает; как и майору Морову.

Старшие офицеры поочередно выступили перед молодым пополнением с краткими речами, из которых следовало, что после двухнедельного курса последует присяга. Но не для всех, а только для тех, кто ее достоин. С остальными расторгнут контракты, и неудачники возместят все понесенные вооруженными силами расходы.

Принятие присяги означает начало настоящей военной службы и присвоение звания рядового. Любое последующее звание повлечет за собой получение настоящего гражданства для неграждан и знак классности третьей степени.

— Гражданам дадим только значок! — объявил командир полка и растянул рот в широкой улыбке.

Это был сигнал для присутствующих офицеров и сержантов, что смеяться разрешено. Майор Моров кивнул второй роте, мол, повеселиться можно и им. Когда старшие офицеры передали слово Морову, тот представил старшину роты — старшего сержанта Кускова, и командиров взводов — сержантов Милорадовича, Горгуа и Дорохова.

— Сейчас все будут распределены по взводам, — сообщил новобранцам майор Моров, — и вместе со своими командирами вы проследуете во взводные палатки. Обед через час. Напомню! Каждым из вас подписан контракт. Отныне вы находитесь в расположении учебного батальона, и любое неподчинение старшему по званию или должности может окончиться трибуналом. В лучшем случае — нарядами вне очереди! Помните об этом и забудьте о любых оправданиях. Оправдания есть у всех — оставьте их для мамки!

Майор перевел дух.

— Кроме того, официально уведомляю граждан, что с этого момента и до окончания курса предварительной подготовки либо расторжения контракта ваши индивидуальные системы полностью заблокированы. На ближайшие три месяца они отключены, и не вздумайте пробовать обойти блокировку. Ничего не выйдет!

Моров грозно сверкал очами на вверенный ему личный состав. Когда он закончил, командир полка снова взял слово. Женьке показалось, что он хочет смягчить первое впечатление от армии, пока Моров еще не запугал новичков окончательно.

— Принимая присягу, — говорил командир полка, — вы делаете правильный выбор. Вы становитесь частью системы, частью корпорации. Корпорация — это дом, это мать и отец, и каждый принадлежит корпорации. Военная служба инкорпорирует вас в общество полностью и бесповоротно!

Женьке вдруг вспомнился Дмитрий, бывший военный. Он погиб, защищая ее, и Женька не успела бы хорошо узнать его за несколько часов знакомства. Но он явно не был беспрекословной частью системы. Хотя бы потому, что уволился из армии, не дослужив до пенсии два года.

— После присяги любое расторжение контракта, — продолжал командир полка, — оценивается как чрезвычайное происшествие. Но на рядовых уже распространяется страховка, и уволенному не придется компенсировать затраченные на него средства.

Старший офицер замолк и добавил:

— Надеюсь, что до этого не дойдет.

Ливадова вздохнула. Она тоже надеялась, что с ней контракт не расторгнут. Впрочем, сейчас она в этом не уверена. Комполка говорил еще, но недолго. Потом старшие офицеры удалились, а за молодняк взялись сержанты.

Глава 3. МЕДИЦИНСКИЙ БОКС

Открыв глаза, Андрей обнаружил себя лежащим на койке — на боку, лицом к светло-зеленой стене. Укрыт белым одеялом, оно натянуто до подбородка, а под одеялом пижама. Он в больнице? За спиной тихий бубнеж, рядом кто-то беседует: несколько человек, и уже привычно, что язык, на котором говорят, ни черта не понятен.

Почему он в лазарете? Последнее, что помнил Андрей — это кабинет с несколькими операционными столами, и около каждого — группа медиков. Что с ним делали? Зачем пленников, которых водили по врачам, завели в итоге в операционную? Ливадов похолодел: подумалось о донорстве органов. Может, он уже разобран на запчасти? Встать бы и осмотреться, но сперва нужно выяснить, кто рядом. Чьи это голоса?

Ливадов не шевелился, не подавал виду, что пришел в себя. Опустил взор, и тот зацепился за мигающий оранжевый светодиод на серой пластиковой спинке кровати у ног. Ничего особенного, просто светодиод, каких много и в его времени. Андрей вслушался в собственные ощущения. Вроде цел... Руки и ноги на месте, если только это не фантомные отголоски после ампутации...

Да что такое! Что за мысли в голове! Какая ампутация? Андрей дернулся, чтобы почувствовать конечности, пошевелил пальцами и перевернулся на другой бок. Ноги, руки на месте, но отчего думалось про ампутацию? Странно... Ливадов уселся на кровати, сбросив с себя одеяло, и посмотрел на троих, кто делил с ним больничную палату.

Комната заполнена наполовину, четыре из восьми коек пустовали, и кроме кроватей, никакой обстановки в довольно просторном помещении для восьми возможных пациентов не имелось. Лишь больничные койки с белым бельем, пластиковая дверь того же цвета и оконная рама, тоже белая. За стеклом с наружной стороны виднелись белые прутья решетки. Зеленоватые окрашенные стены и серая квадратная плитка пола.

Он в медицинском боксе? Или, скорее, тюремном лазарете? А перед ним кто? Сокамерники?

— Хай! — приветственно махнул лысый негр.

Чернокожий сидел на противоположной кровати в двух метрах от Андрея. Рядом с негром на соседних койках еще двое, латинос и белый, и они также совершенно лысые. Ливадов непроизвольно коснулся головы, она у него тоже гладкая, как яйцо. Обрили в первый день плена в городке, который охраняли «тевтонцы», и было это всего лишь пару дней назад, если только он не провалился в беспамятстве дольше нескольких часов.

Андрей дотронулся до щеки, подбородка. Надо же, он гладко выбрит... О нем тут, блин, заботятся... Ливадов поймал взгляд негра. Лицо чернокожего растянулось в улыбке, а двое других просто молчали и смотрели на Андрея. Они тоже из разгромленного городка, либо их обрили уже здесь?

— Хай! — повторил негр. Большой и рыхлотелый, с незлобивой ухмылкой и таким же взглядом. Синяя пижама ему явно мала, отчего казалось, что вот-вот расползется по швам.

На молчунах пижамы сидели нормально. Одного Андрей помнил: типчик латиноамериканской наружности. Был среди прочих в черно-белых полосатых робах на борту конвертоплана, что перевез Ливадова и других пленников в Бразилию, которая не Бразилия. Рядом с негром латинос выглядел шуплым; по телосложению и росту он походил на Андрея, а еще на Рамиреса. Но у бывшего хозяина не было бегающего взгляда и вытянутого лица наподобие крысиной морды, отчего Ливадов мысленно прозвал сотоварища по палате Крысенышем. Наружность у того неприятная.

Третий — обычного телосложения и роста, лицо не запоминающееся. Взгляд не задевал других, и в целом внешность у него «серая», то есть совершенно обычная. Возможно, он тоже был в команде пленников, которых вместе с Андреем перегнали за океан, но эту физиономию Ливадов не помнил, и будет называть его Серым.

Впрочем, не важно, кто вместе с ним в палате; главное, что не проявляют агрессию. Только латинос немного подозрителен — Андрею никогда не нравились люди с бегающим взглядом. Того и жди от них подлость... Да пофиг и на этого и на остальных: не быкуют, и ладно, можно немного расслабиться.

Но все-таки, зачем он и эти трое здесь, в больничной палате? Андрей был уверен, что заводили в операционную не просто так, и отрубился он там очень вовремя, а перед этим получил несколько уколов. Скорее всего, это были прививки от местных болезней, но не только прививки. Один из уколов отключил его перед... Перед чем? Что с ним делали? Ливадов провел рукой по макушке и замер, пальцы вдруг почувствовали едва заметный шрам. Раньше его не было!

Андрей опустил руку, не подавая виду, что обнаружил что-то необычное. Он не знал этих троих перед собой, и хотя они скорее всего такие же как он неудачники-невольники и объекты чужого операционного вмешательства, но Ливадов не доверял никому.

Блин! Ведь что-то вживили! Ему и этим троим...

— Хай! — в третий раз произнес чернокожий.

Хай? Хай... Андрей вспомнил, что значит это слово по-английски.

— Привет, — Ливадов тоже взмахнул рукой и заметил черный пластиковый ремешок на правом запястье. Без застежки, полоска эластичного прорезиненного пластика. Если не разрезать или не порвать, снять не получится. С внутренней стороны руки на ремешке мигал чуть заметный зеленый светодиод.

Нацепили-таки. Нет сомнения, что это аналог маячка, который был на Андрее в городке при нефтекомплексе. Насколько он крепкий? Сейчас, конечно, не стоит проверять его на прочность при посторонних, да и скрытые камеры наблюдения тоже должны быть. Но в любом случае, новый маячок его не порадовал. Не исключено, что он тоже умеет бить по нервным окончаниям, как ошейник Рамиреса... Андрей мысленно выругался: его бывший хозяин ничуть не стеснялся пытать раба жуткой болью, которую генерировал нацепленный на того ошейник.

Ливадов покосился на «сокамерников»: у них такие же черные ремешки на правой руке. Негр и двое других переглянулись. Чернокожий снова заговорил, он кивал Андрею и указывал пальцем то на Крысеньша, то на Серого, однако Ливадов лишь пожимал плечами. Латинос почему-то начал хмуриться, это заметил говорливый негр и доселе молчавший белый. Они рассмеялись, а Крысеньш огрызнулся и, спрыгнув с койки, направился к двери, которая неожиданно распахнулась.

Латинос отскочил к своей кровати, а в палату вошли два санитар и военный — тоже, наверное, морпех, раз Ливадову «повезло» оказаться на их базе. Андрей не знал точно, в каком тот звании, он не разобрался в неизвестных для него лычках на погонах серо-зеленого кителя, но, скорее всего, вошедший в палату морпех — сержант, ведь едва оглядев четверку в пижамах, он разразился гавкающим криком, как заправский сержант из фильмов про американскую армию. Поэтому и будет для Ливадова сержантом. Кем же еще?

Негр, Крысеньш и Серый подскочили в один миг и вытянулись в стойку. Когда их так надрессировали? Андрей тоже поспешил слезть с кровати и, замерев, уставился на гавкающего сержанта. Ливадов безнадежно опоздал, трое его «сокамерников» оказались заметно шустрее. Морпех вплотную сблизился с Андреем и разразился яростным ором.

Чуть не носами касаются! Морпех кричал, брызгал слюной и краснел от натуги. Он лаял взбешенной собакой, а Ливадов сделал морду кирпичом и мысленно был не здесь. Умеешь такое, если хоть сколько-то отслужил, да только вот слюни... Вмазать бы по морде сержанту, но

за ним маячат два лба-санитара, и Андрей нутром чуял, что у них уже чешутся кулаки. Нужно терпеть, не в положении Ливадова артачиться, да и санитары могут отделать его не только кулаками. Не исключено, что вживленная в его башку хреновина всадит болью прямо в мозг.

Сержант набрал в легкие побольше воздуха, чтоб разродиться новой порцией уничижительного крика, однако вдруг замолк. Только шумно выдохнул, не сводя с Ливадова взгляда, и отступил на три шага. Морпех перевел взор на негра, латиноса и белого, оценивающе осмотрел их, и что-то гавкнул, а три человека повернулись к сержанту спиной.

Теперь сержант изучал взглядом затылки троих в белых пижамах. Заметив, что морпех покосился на Андрея и уже начал краснеть от злости, что вновь наполняла его, Ливадов догадался, что ему тоже следует развернуться, демонстрируя шрам на голове. Андрей повернулся лицом к кровати и услышал, что сержант подошел к нему. Через несколько секунд, морпех вернулся к двери и двум «немым» санитарам, и снова что-то прогавкал.

Андрей почувствовал, что сержант приказал развернуться обратно. Крутанувшись на пятках, увидел, что негр, Крысеньш и Серый тоже поворачиваются к сержанту. Значит, на этот раз он не ошибся и правильно понял, что от него требуется.

Сержант успокоился, безмолвно с непроницаемым лицом посмотрел на него, потом на других — и заговорил. Ровным голосом, что-то втолковывая четверым в пижамах. Вскинув левую руку, морпех указал на часы с металлическим браслетом. Оглянувшись, сержант убедился, что санитары тоже показывают на свои часы. Но часы ли у них?

Гады... Андрей не сомневался, что это вовсе не часы, а устройства для управления ремешками пленников... Он скривился от боли и невольно схватился за правую руку, которую обожгло огнем — всего на миг, только этого достаточно, чтобы уяснить урок. Черный пластиковый ремешок работает как надо, и боль может доставить невыносимую.

Сержант продолжал говорить нравоучительным тоном. Ливадов мрачно исподлобья смотрел на него, остальные кивали. Морпех рывкнул что-то и вышел из палаты. Санитары произнесли несколько коротких фраз, один из них тоже вышел в коридор, а другой кивнул Ливадову, чтобы тот пошевеливался. Трое «сокамерников» Андрея уже выходили из палаты.

Негр, Крысеньш и Серый встали вдоль стены коридора слева от распахнутой двери. Андрей шагнул к ним, но окрик сержанта, а затем его палец указали, чтобы становился по другую сторону от входа в палату. Санитар и сержант увели трех сотоварищей Андрея влево по коридору, другой санитар жестами показал идти в противоположном направлении.

Что бы это значило? Андрею очень не понравилось, что его отделили от остальных. Он двигался впереди, а сзади в трех шагах ступал санитар. Ливадов не оглядывался, нервы сжались в стальную пружину, готовую распрямиться при малейшей угрозе для его жизни.

Ни черта не ясно, что еще уготовано Андрею, поэтому он не ожидал от ближайшего будущего ничего хорошего. Если потребуется, он первым делом вырубит санитару. Тот здоровый, как горилла, но не факт, что проворен. Ливадов надеялся, что успеет нанести удар в шею, который надолго вырубит его надзирателя — может, и навсегда...

— Понял! Да понял я! — воскликнул Ливадов, потому что руку снова обожгло, и первой мыслью было, что санитар каким-то образом прочувствовал настрой Андрея. Но тогда боль не продлилась бы меньше мгновения, она была бы острее. Ливадов оглянулся и обнаружил, что санитар отстал на несколько метров. Он довольно ухмылялся, стуча пальцами по стальному браслету, и ему определенно нравилось, что напомнил о себе через ремешок на руке пленника. Напомнил он болью. Сука...

Санитар что-то заговорил и махнул Андрею, чтобы тот вернулся и зашел в распахнутую дверь. Что за ней? Не душегубка, случайно? Или новая операционная? Ливадов приблизился, настороженно косясь на санитару, и заглянул в открытую дверь. За ней оказалась небольшая комната со столом и стулом у дальней от входа стены, часть которой — на полтора

метра от стола и столько же в ширину — была прозрачной. Стекло отделяло эту комнату от похожего помещения, расположенного за перегородкой.

Как комната для свиданий в американской тюрьме из кинофильмов. Не хватает только телефонной трубки на витом шнуре, чтобы разговаривать с тем, кто будет за стеклом. Мелькнула шальная мысль, что увидит сейчас Женьку, и они хотя бы поговорят друг с другом! Но откуда здесь сестра? Ее появление будет чудом, а чудес не бывает. Особенно в прекрасном новом мире...

На плечо легла рука санитаря, он заговорил дружелюбным тоном, даже улыбнулся и подтолкнул подопечного вперед. Мол, входи и не тушуйся. Пожав плечами, Андрей вошел и огляделся; смотреть не на что: есть только стул, стол да стекло, вмонтированное в стену напротив. Запустить в него стулом?

Андрей усмехнулся и покачал головой. Нет, он не псих, хотя очень тянет бросить стул в стекло... но, во-первых, оно скорее всего противоударное, и, во-вторых, нет желания оказаться в смиренной рубашке вместо пижамы да получить порцию мучительной боли через ремешок на руке. Не время и не место для резких движений.

Дверь закрылась, щелкнул запираемый замок. Так даже лучше, присутствие санитаря-надзирателя Ливадову нафиг не нужно. Но что дальше? Он простоял минуту или две, ожидая дальнейшего развития событий, но ничего не происходило.

— Может, просто газом траванут? — невесело пошутил Ливадов и уселся за стол, мрачно уставившись на стекло и пустую комнату за ним. Там тоже ничего и никого.

Андрей сцепил пальцы и посмотрел на черный пластиковый ремешок на руке. Как же он ненавидит мигающий светодиод!.. Ливадов вздрогнул, потому что заметил за стеклом движение. Открылась дверь, и в комнату напротив вошла женщина.

В белом медицинском халате, на высоком воротнике — красные вставки. Черные волосы стянуты узлом на затылке, взгляд зеленых глаз из-под длинных ресниц был строг, но несколько не портил вошедшую. Она миловидна и молода, Андрей не дал бы ей больше тридцати лет, и, наверное, правильнее называть ее девушкой.

Вошедшая прижимала к груди стопку журналов с цветными обложками. Устроившись напротив Ливадова, девушка неспешно разложила их перед собой, изредка поглядывая на пациента. Андрей безмолвно наблюдал за ней: вот чего он точно не ждал, так это общества приятной на вид молодой женщины. Даже ухмыльнулся, как последний дурак — она пришла не ради общения с ним. Ну, в смысле... не потому, что ей этого хочется, а по служебной необходимости.

Вздыхнув, она подняла взор и, оглядев Ливадова, приветливо улыбнулась, а затем заговорила. Невидимое устройство передало ее голос через стеклянную перегородку без каких-либо искажений, словно молодая женщина находилась рядом.

— Good afternoon!

Андрей попытался улыбнуться. Вряд ли у него получилось так же хорошо, хотя и у вошедшей улыбка была дежурной.

— Good... — неуверенно произнес Ливадов. Кажется, с ним поздоровались, пожелав доброго дня, и он попытался ответить тем же.

— My name is Rhona Ridell, — женщина говорила медленно, отчетливо произнося слова, чтобы человек напротив нее услышал и разобрал каждое.

Вторую фразу вошедшей Андрей тоже понял, причем с большей уверенностью, чем первую. Не совсем же он тупой, кое-что осталось в голове со школы. Не забыл, что значит: «My name is...». Она назвала свое имя — Рона Райдел.

— My name is Andrey Livadov, — представился и он.

Девушка удовлетворенно кивнула и продолжила:

— We are going to teach English.

Сейчас Андрей ничего не понял, только смутно разобрал что-то. Наверное, она сказала, что будет учить его английскому языку, либо что-то про учителя и английский язык...

Девушка в белом медицинском халате снова заговорила, но теперь Ливадов ни черта не врубался, что ему талдычат и что от него хотят. Пожал пару раз плечами и несколько раз мотнул головой. Вошедшую это несколько не смутило. Ее красивое лицо с правильными чертами не менялось, оставаясь совершенно спокойным.

Вскоре молодая женщина достала из кармана небольшую черную гарнитуру. Надела на ухо дужку с наушником и микрофоном. Из стены под стеклом выдвинулся ящичек, в котором лежала точно такая же гарнитура. Андрей хмыкнул. Кто бы объяснил, зачем эта гарнитура, если прекрасно обходятся без нее... однако тоже нацепил ее на себя. Дернул головой, чтобы проверить, как сидит на ухе. Сидит как надо, не шелохнулась. Даже странно, что так крепко держится.

Когда девушка снова начала говорить, ее голос звучал только в наушнике. Она показала, что микрофон можно убрать к самому уху, чтоб не мешал. Держатель микрофона сдвигался, если на него надавить, и легко выдвигался вновь. Молодая женщина объясняла что-то еще, помогая себе жестами, и до Ливадова вдруг дошло, что ему втолковывают.

Он может снимать гарнитуру только во время сна, а все остальное время она должна быть на голове. Странное требование, если не сказать больше, но кто он такой, чтобы удивляться? Никто... Что ему уготовано в ближайшее время? Андрей не знал ответа на этот вопрос, а гарнитура... Да что гарнитура? Будет носить, раз это обязательно.

Но он не сдался на милость судьбы. Он ждет и осматривается, а там будет видно, что да как.

Глава 4. ПРИСЯГА

Бег, бег и бег... Потом строевая, теория и снова бег попеременно с силовыми упражнениями. Все бегом, даже до плаца для занятий по строевой подготовке новобранцы добирались бегом. Зато спать разрешено лежа; есть... или, по-уставному, принимать пищу — на табуретах; мыться в душе позволено, стоя под горячей водой. Да, еще построения, бесчисленные построения, и в строю ты тоже стоишь на одном месте... Как Женька забыла про построения?

Две недели в учебке, и первое время она казалась сущим адом для домашней, в общем-то, девочки Евгении Ливадовой: пережитые до подписания контракта восемь дней в новом мире и случившиеся потрясения не успели ее изменить.

Новый год отметили... торжественным построением, и к тому времени в учебке минула целая неделя, за которую Ливадова немного освоилась. Но вначале...

Женька боялась, что сломается уже в первый день. К вечеру силы иссякли, она просто не могла подняться, чтобы пробежать очередные полтора километра. Но заставила себя делать, что нужно. В мыслях она буквально закричала на саму себя. Заскрежетав зубами, Женька поднялась, встала в строй и побежала.

Когда после команды «Отбой» в палатке их взвода погасли все лампы, Ливадова думала, что если не умрет прямо сейчас от переутомления, то утром точно не найдет в себе сил подняться. А после пробуждения стало гораздо хуже — болело все тело. Женька смотрела на измученных товарищей и видела, что плохо каждому из них. Это открытие ее приятно удивило: оказывается, такая дохлая вовсе не она одна... и девушка заняла место в строю на первом утреннем построении уже приободрившись.

— Ливадова! — сержант Иван Горгуа делал переключку. Командир их второго взвода второй роты учебного батальона.

— Я! — откликнулась Женька на удивление бодро.

После переключки сержант Горгуа задал вопрос, есть ли желающие расторгнуть контракт. Тогда из строя выступили двое: тот самый паренек, который хотел уйти еще на сборном пункте, и высокая девушка. Столько же оказалось в первом взводе, и трое сделали два шага вперед в третьем. Выяснилось, что в первый день в учебке можно расторгнуть контракт по собственной инициативе — недоступная пониманию Ливадовой и других новобранцев логика офицеров полка делала исключение для первого дня, и к вечеру из второй роты уехали еще двое.

— Они получают счета на оплату завтра утром, — сумрачный майор Моров оповестил вверенный ему личный состав на вечернем построении. — Другие слабаки еще есть? До отбоя еще можно слинять отсюда!

Слабаков в тот день более не нашлось. Однако к окончанию второй недели рота сократилась на треть, и оставшийся молодняк свели в два взвода — Ливадова как была, так и осталась во втором. Теперь контракты расторгались только по решению командира воинской части. На очередном построении, которое могло быть утренним, вечерним и вообще в любое время дня и ночи — подъем после отбоя второй роты устраивали не раз, не два и даже не три — кто-то из отцов-командиров называл фамилии, и договор расторгался.

Неудачники выходили из строя, выслушивали краткую речь со словами благодарности; отныне обычно без напоминания о необходимости погасить понесенные вооруженными силами расходы. Причем расходы немаленькие — они возрастали с каждым новым днем в учебке, но все равно на некоторых лицах читалось облегчение. Кто-то, наоборот, стоял с поникшими плечами и опустив голову, будто придавленный грузом свалившегося долга.

В первую неделю Женька одновременно и страшилась расторжения контракта, и хотела, чтобы это случилось. Было очень тяжело... Втайне от себя и остальных Ливадова мечтала

исчезнуть из части и забыть этот нескончаемый кошмар, как страшный сон! Да порой она молила бога, чтоб ей просто дали посидеть на табурете и не трогали несколько минут! Но каждый раз бежала вместе с остальными, когда слышала команду к бегу. Всякий раз Женька находила внутренние резервы, о каких даже не подозревала, и выполняла очередной приказ. Скоро она узнала, что воля нужна, чтобы банально открыть глаза и выскочить из палатки на утренний холодок для переклички и разминки.

На девятый день — первого января нового года — когда на плацу, где будут маршировать следующие три часа, прозвучали две новые фамилии, Евгения вдруг обнаружила в себе только сочувствие к тем, кто не справился. Она более не мечтала о расторжении контракта! Привыкла к нагрузкам, хоть они не казались легче, и все свои помыслы связывала со службой. А этих двоих, большеглазую Анюту и сучку Лиду, с которой вчера полаялись, действительно жаль. Неплохие девчонки, даже Лида.

Отчисленные из учебного батальона отправлялись в штаб полка для оформления расторжения контракта. Потом они получали сумку с личными вещами, сдавали форму, натягивали на себя возвращенную гражданскую одежду и навсегда покидали часть. К своим товарищам по курсу предварительной подготовки они уже не возвращались. Во взводной палатке личных вещей ни у кого нет, если не считать полотенца, зубной щетки, пасты и еще кое-чего по мелочи — все это вместе с постельными принадлежностями соберет дневальный и сдаст старшине роты.

Сегодня четырнадцатый день — шестое января. В пятнадцать ноль-ноль у них присяга. Все надеются, что отчислений с курса больше не будет. Евгении Ливадовой тоже хотелось думать, что никому не прикажут выйти из строя и покинуть часть. Особенно девчонкам: на два взвода их осталось всего восемь — не хватит и на отделение.

Во втором взводе, если считать вместе с Ливадовой, четыре девушки. Их койки рядом, первое время вместе было легче перенести круглосуточное нахождение в мужском коллективе. На них поглядывают, особенно когда переодеваются, но так, чтобы они не заметили.

Попытки подкатить к девочкам либо, наоборот, поиграть глазками перед парнями в первые дни, конечно, случались. Но везде камеры наблюдения, и те, кого заметили в неуставных отношениях, простились с контрактом. В том числе за попытку наладить неформальное старшинство и едва не случившийся из-за этого мордобой. Как сказал майор Моров, спермотоксикозники и с бешенством матки в армии не нужны, блатные солдаты — тоже. Зачинщики обоих видов неуставщины мгновенно вылетели с курса и вдобавок к компенсации потраченных на их подготовку средств прибавился внушительный административный штраф.

Остальные урок усвоили, да, говоря начистоту, перед командой «Отбой» сил на неуставщину уже не оставалось. Сейчас все новобранцы — это бесполоый личный состав второй роты учебного батальона. По уставу между мужчинами и женщинами нет никаких различий, не существует предпочтений либо ограничений по половому признаку.

Но это по уставу, жизнь всегда вносит свои коррективы в изложенное на бумаге. В душ, когда там моются девушки, по негласному правилу тоже не заходят, в том числе командиры взводов сержанты Горгуа и Дорохов. Старшина роты старший сержант Кусков также придерживался данного молчаливого установления. Командир еще одного взвода, сержант Милорадович, больше во второй роте не числился — в связи с сокращением числа взводов. Майор Моров и другие офицеры полка личной гигиеной новобранцев не занимались, полностью поручив этот вопрос сержантам. Поэтому мыться девушки могли спокойно.

— Держи!

Женьке протянули пакет с ее инициалами и номером подразделения. После обеда второй взвод выстроился у прачечной — палатки со стиральными машинами — и получал второй комплект одежды. На присягу нужно явиться в чистом.

— Пошли, — сказала Сашка Грибанова. — На меня уже Горгуля смотрит.

Александра стояла перед Женькой, когда получали отстиранный комплект одежды, и после передачи ее пакета должна была без промедления направиться в палатку второго взвода, переодеться там, запаковать в пластик ношенную одежду и отнести ее в прачечную. За новобранцами следил сержант Горгуа, который начал хмуриться, а когда он зол, то длинный нос грузина делал его похожим на горгулью, откуда и прозвище. Впрочем, во взводе его так называли и в иных случаях, но только если не мог услышать он сам или кто-то из других командиров.

— Идем, — сказала Ливадова.

Она сдружилась с тремя девчонками из ее взвода, все полуграждане. Гражданство имелось только у Женьки, но это никак не сказывалось на ее положении в учебке: ни в лучшую, ни в худшую сторону, а блокировка нетчипа Ливадову не напрягала и даже обрадовала. Запрет на сеть оборвал связь с Артуровой и профессором Мартыновым! Женька забыла о продолжении эксперимента уже на второй день своей новой жизни; и вообще не думала и не вспоминала об индивидуальной системе, если кто-нибудь не высказывал сожаления о нетчипе.

Граждане из числа новобранцев жаловались на запрет нетчипов нечасто и далеко не все, но без подобного тоже не обходилось. Ливадовой было наплевать, работает ее индивидуальная система или нет. Не успела она привыкнуть к нетчипу.

Первой, с кем Евгения познакомилась, была Сашка с соседней койки: ее имя могло быть и женским, и мужским, как у самой Женьки. Другими подругами, уже во взводной палатке, стали Наташка Большова и Тамара Тигалова. Не сказать что Женька не ладила с кем-нибудь из роты, но с этими девчонками отношения сложились более доверительные, чем с остальными. Друг друга они называли просто — Томка, Натка, Сашка и Женька.

Новые подруги были симпатичными девушками. Наташка и Тамара немного выше Женьки, но совсем чуть-чуть; у Натки волосы каштановые, как у самой Женьки, а у Томки цвет черный, и вообще глаза у нее чуть раскосые, татарские.

Блондинка Сашка была выше любой из них на полголовы и отличалась от подруг стрижкой под мальчика, которая, к удивлению Женьки, ничуть не портила Грибанову. Может быть, с длинными волосами, как у трех других девушек, она была бы менее красивой.

На тумбочке у каждой девушки лежал пакетик с зеркальцем, тушью и помадой неяркого тона. Сегодня на утреннем построении майор Моров объявил о подарке от их части для всех новобранцев женского пола. До этого дня из косметики им полагались только мыло, шампунь, полотенце и расческа — так Моров это назвал и не преминул напомнить об очередной щедрости командования. Сейчас, по его словам, подарок воистину роскошный.

— Уставом предусмотрено, — пояснил хмурый по своему обыкновению майор. — Правда, это не касается молодого пополнения. Но вы почти рядовые! Приказываю: на присяге быть красавицами!

Получается, что устав все же содержит различия для личного состава по половому признаку — некоторым положена косметика. Разумеется, лучше смолчать, не умничать перед командиром и не задавать вопросов, но все равно терзало любопытство. Какую косметику они получают? Однако любопытство тоже нужно было держать при себе. До личного часа перед присягой тогда оставлялось еще полдня.

Тома и Наташка уже опробовали подарки и пребывали в полном восторге. Ничего особенно в военно-косметическом наборе нет, однако за две недели будешь рада любой косметике.

Женька привела себя в порядок: переделалась, поправила волосы в узле на затылке и накрасилась. Форменная одежда двадцать третьего века хороша тем, что совершенно не мнется. Сразу после стирки — как отглаженная: и майка, и куртка со штанами. Одеваешь, проводишь по ткани ладонью, и этого достаточно. Евгения с большим восторгом глядела на свою камуфлированную одежду всякий раз, когда думала, что уют не нужен. Кажется, подру-

гам ее радости не понять. Далеко не вся одежда в их времени обходится без глажки, однако подобные вещи есть у каждого в гардеробе.

Ливадова отнесла пакет со своими вещами интенданту и, вернувшись во взводную палатку, поняла, что волнуется. Ее колотит при одной мысли о присяге. Почему? Очень ведь хотела выдержать двухнедельный курс предварительной подготовки, и у нее получилось! Но отчего волнение?

— Меня трясет, — призналась сидевшая на соседней койке Сашка, — и не знаю, почему.

Евгения с пониманием посмотрела на подругу и сказала, что ей тоже не по себе. Пришедшие из прачечной Наталья и Тамара тоже признались, что волнуются.

— Нам выдадут автоматы, — сказала Сашка.

— С пустыми магазинами, — Тамара смешно скривила носик.

Эта неделя началась занятиями с оружием. В первые дни новобранцам полагался самый минимум. Оружие не разбирали, теорию не изучали. Командир роты поставил перед сержантами задачу показать молодому составу, с какой стороны держать АК-233 — «Автомат крупнокалиберный двести тридцать третий» — и к присяге превратить обезьян с оружием в личный состав второй роты учебного батальона с оружием. Это оказалось несложно, самая легкая часть из курса предварительной подготовки.

Сержанты поставленную задачу выполнили быстро, и через три дня майор Моров полностью удовлетворился результатом, что случалось нечасто. В качестве награды началась дополнительная, не предусмотренная на этом этапе учеба с разборкой и сборкой оружия, стрельбой холостыми патронами и метанием муляжей гранат. К присяге молодой состав обращался с АК-233 вполне уверенно.

— Зачем тебе патроны? — Наталья вскинула бровь и посмотрела на Томку. — В кого на присяге стрелять будешь?

— В Мора, — хихикнула Тигалова.

Прозвище получил не только сержант Горгуа. Все командиры в роте тоже заимели своим клички. Майор стал Мором, старшина роты старший сержант Кусков — понятное дело, Куском, а с командиром первого взвода сержантом Дороховым оказалось сложнее. Его называли либо Горохом, либо Дорохом. После присяги рота пополнится новыми офицерами и сержантами — значит, и прозвищами, но пока в учебном подразделении из начальства только майор да три человека младшего командного состава.

— Дурная, что ли! — цыкнула на подругу Александра. — Если кто услышит?

— Если кто-нибудь услышит, — Томка попыталась напустить на лицо страдание, — то вылечу с контракта за минуту до присяги.

— Тогда точно дурой будешь, — нахмурилась Грибанова. Она отчего-то не на шутку рассердилась на подругу.

— Но меня ж не сдадут? — Тамара оглянулась.

Разумеется, никому не придет в голову стучать. В палатке только новобранцы, и за две недели учебного курса они сдружились. Любому ясно, что взбалмошная Тигалова говорит не всерьез.

Пустой разговор снял часть напряжения, которое охватило подруг, только ненадолго. Время будто растянулось. Оставшиеся до построения минуты были долгими, и девушки даже обрадовались, когда прозвучала команда строиться.

Первый и второй взвод выдвинулись сначала к бронированному грузовику, который выполнял роль оружейной комнаты. Автоматы выдавал майор Моров.

Затем вторая рота двинулась на плац, на котором уже выстроились другие ротные коробки. Весь личный состав был при оружии. Первый и второй батальоны облачены в экзотические костюмы, третий — в парадной форме, четвертый батальон и отдельная рота разведки — в полевой, и с полным комплектом боевой небронированной экипировки. Женька косила взгля-

дом, когда проходила мимо своего полка — она уже считала 10-й отдельный десантно-штурмовой полк своим — и чуть не сбилась с шага! Она увидела Владимира Воронцова! В строю разведроты!

Здесь? Сын президента корпорации «Сигма»? Ее бывший хозяин, насильник и одновременно — единственная надежда на спасение брата! Евгения почти вернулась в его постель, потому что была никем и имела ровно одну перспективу — разорение с потерей свободы, и проституция! Чтобы стать кем-то большим, чем пустое место в прекрасном новом и бесчеловечном мире, Ливадова выбрала военную службу. Чтобы обеспечить свою жизнь едой, крышей над головой и хоть каким-нибудь будущим. Чтобы не быть полностью зависимой от президентского сынка. Хотя бы в том, что касается лично ее!

Женька смогла взять верх над бурей чувств, взорвавшихся у нее внутри. Сказались две недели интенсивной строевой подготовки. Сержанты довели движения молодняка до автоматизма, а мысли нацелили только на присягу. Нет ничего важнее присяги!

Дальнейшее происходило, как и рассказывали новичкам. Вторая рота стояла напротив знаменной группы полка. Новобранцы поочередно выходили из строя, зачитывали слова присяги, опускались на колено перед багряным знаменем и касались губами священной ткани. Командир полка вручал погоны рядового, пожимал руку и произносил несколько слов. Евгения не слышала их. В голове шум, мысли только о Воронцове... Что он тут делает? Еще и взор поплыл... Она не сломалась. Вернулась в строй, и никто не заметил внутреннего смятения Ливадовой.

Но зачем здесь Воронцов?..

Глава 5. ВЗВОД

— Так ты русский? — слюни из пасти комендор-сержанта брызнули на лицо Ливадова.

— Нет, сэр! — прокричал Андрей. Он стоял во взводном строю.

Ливадов смотрел на покрасневшую физиономию Дюбува под широкими полями сержантской шляпы — и будто бы глядел сквозь нее, но не смел дернуться или поморщиться, чтоб хоть как-то стряхнуть с себя его слюни. Если вдруг случится чудо, и Дюбува ничего не заметит, то рядом непременно окажется второй дрилл-инструктор — сержант Кларкс, и он тут же обратит внимание на рекрута. Ну а старший дрилл-инструктор комендор-сержант Дюбува не забудет тогда обратить внимание третьего дрилл-инструктора сержанта Мэда на уродливого рекрута. Чтобы после тренировки вместо пота с того вылилось три ведра кефира вперемешку с соплями.

— Но все же ты русский?

— Нет, сэр!

Ливадов научился понимать, когда комендор-сержант требует от кого-нибудь из рекрутов откликнуться на прозвище — их раздали всем без исключения в учебном взводе — а когда играет с ним в одну и ту же игру.

— Так кто же ты? Тупой кусок пушечного мяса?

— Русский, сэр! — Андрей выкрикнул свою кличку.

Первые дни, когда Ливадов еще ничего не понимал, он просто стоял, уставившись в одну точку, рядом с ревушим, покрасневшим от натуги морпехом. Это длилось долго, по несколько минут и до тех пор, пока Дюбува не выдыхался и не обращал взор своих маленьких злых глаз на кого-нибудь другого. Сержант орал на рекрутов едва не непрерывно, и сейчас тоже орет, разбрызгивая слюни в стомиллионный раз.

Комендор-сержант Дюбува, по прозвищу Француз, появился в жизни Ливадова после пробуждения в медбоксе и стал главной частью этой жизни. Андрей видел его после подъема, утром, в обед и вечером, а нередко и ночью. Дрилл-инструкторы жили в одной казарме с рекрутами и часто устраивали ночной подъем по тревоге.

— Не вздумай испортить мне первый день нового года! — Зак Дюбува с недобрым прищуром посмотрел на рекрута. — Отвечай! Ты Русский?

— Да, сэр!

Ливадов не переставал удивляться, как быстро, всего за две недели, научился понимать английский язык и вполне сносно говорить на нем. Курс начался тогда, в госпитале. Капрал медицинской службы корпуса морской пехоты Рона Райдел кое-как на пальцах и картинках объяснила, что надо делать, и каждый день Андрей постоянно слышал в своей гарнитуре слова и комбинации слов. Правильно подобранные сочетания быстро создали в голове минимально необходимый словарный запас и научили грамматике. Гарнитуру можно снимать только перед сном, а все остальное время она должна была быть на рекруте Андрее Ливадове.

Сержанты как будто не замечали гарнитуру, но стоило ей упасть во время забега на две мили, как возле рекрута появился взбешенный сержант Мэд и пообещал расстрелять, а потом засадить Ливадова на гауптвахту, если наушник с микрофоном еще хоть раз слетят с его тупой башки. Нацепив гарнитуру обратно и получив команду бежать, Ливадов кинулся догонять взвод, а в ушах зазвучал голос инструктора по английскому языку.

Гарнитура оживала всякий раз, когда рядом не оказывалось дрюкающего взвод дрилл-инструктора. Андрей слышал слово на русском языке и следом за ним звучало английское слово. Нужно запомнить и проговорить его в микрофон. Вечером в свободное время, когда остальные рекруты бездельничали, Андрей отправлялся в медбокс на очередной урок к сим-

патичному капралу. Ему завидовали и шутили, что Русский не забудет, как выглядит женщина. Андрей был полностью согласен с этим, ему нравилось общество приветливой Роны Райдел. Она хотя бы не строит из себя дрилла.

— Русский, — комендор-сержант Дюбува удовлетворенно кивнул и посмотрел через плечо Ливадова на застывшего за его спиной рекрута.

Француз сразу прозвал не понимающего «нормальный человеческий язык» рекрута Русским. Андрея считали странным дикарем из племени, о котором ничего не известно. Но кому есть дело до того, какие ублюдки бегают по Диким землям? Да еще за океаном! Никому. Зато выяснилось, что раб подходит для службы и не имеет никакого отношения к Красному сектору. Это было главное для рекрутингового отдела корпуса морской пехоты. Ливадова зачислили в учебный взвод, вживили некродот.

Капрал Райдел получила инструкции по обучению дикаря, который говорит на русском языке, а комендор-сержант Зак Дюбува прочитал в личном деле очередного рекрута из нового, только что сформированного взвода, о курсе его интенсивной языковой подготовки. На вопрос сержантов Боба Кларкса и Уолтера Мэда, на каком чертовом языке говорит это тупое дерьмо, Дюбува ответил, что на русском. С тех пор Ливадов стал Русским, что, впрочем, несколько его не напрягало. Он даже рад — хоть какая-то связь с прошлым и напоминание о призрачной надежде добраться когда-нибудь до России этого нового мира и найти Женьку. Андрей помнил, что их похитители переговаривались по-русски.

— Снежок! — комендор-сержант Дюбува тыкал указательным пальцем перед носом негра, которого Андрей увидел первым в медбоксе после операции по вживлению некродота. Во взводе из тридцати человек он был единственным чернокожим, что казалось Андрею довольно странным: всегда думал, что в Америке полно негров. Остальные во взводе были белыми. Разве что можно не считать таковыми пятерку типов латиноамериканской наружности, но они ведь тоже белые? Или как? А... Пофиг на них!

Старший дрилл-инструктор едва не задел пальцем ухо Ливадова, когда выбросил вперед руку, и хорошо, что не задел — порвал бы его ногтем и не поморщился. Зато Француз орал громче обычного — по крайней мере, так казалось Андрею — и брызгал слюной тоже сильнее, чем это было в его привычке.

Дюбува кричал что-то рекруту за спиной Андрея, а тот отключил мозг, чтобы не вслушиваться в поток слов, которые Ливадова не касаются. Это он умел, научился в своей прошлой жизни, когда служил в разведоте в Дагестане. Так легче, тебя будто нет, и можно подумать о своем и даже представить нечто более прекрасное, чем комендор-сержант. Но разве может быть нечто более прекрасное, чем комендор-сержант?

Андрей мысленно усмехнулся и продолжил краем уха слушать орущего старшего дрилла — чтобы не пропустить ничего, что могло коснуться Андрея. Тогда он вновь включится на полную, а пока...

Вспомнилась улыбка капрала Роны Райдел. Она строга и серьезна, но очень мила; и уроки больше не проходят в комнате со стеклом, за которым в соседнем помещении сидит твой собеседник. Теперь капрал учит Ливадова в своем кабинете: он перестал быть непонятным дикарем, сейчас он рекрут корпуса морской пехоты и уже произнес присягу. К нему успели приглядеться, да и к остальным рекрутам тоже. Целую неделю приглядывались и после убрали из учебного взвода неадекватных и слабаков, в том числе Серого, а остальных признали годными к дальнейшей подготовке. Можно, например, отправить рекрута самостоятельно из казармы в медбокс.

Отношение к рекрутам как будто улучшилось; правда, не скажешь, что взводные сержанты стали мягче, меньше орут на «тупых уродов» и забыли про черные ремешки на запястьях новобранцев. Все видели, как одному из рекрутов сожгли болью нервную систему. Он плюнул в сторону офицера, который инспектировал внешний вид нового учебного взвода, и

это заметили сразу три дрилл-инструктора. Комендор-сержант доложил о проступке рекрута офицеру, и бедняге тут же преподали урок. В конце тот бился в агонии перед строем и выл, выпучив глаза, а изо рта шла пена. Это был первый и пока единственный подобный урок. В остальных случаях явное недовольство сержантов рекрутами выливалось в крик, оплеухи и дозированную боль через пластиковый браслет.

Учеба английскому языку обходилась без подобной мотивации, да и сам Андрей прекрасно осознавал, сколь необходимо ему быстро изучить чужой язык. Вдобавок приятно находиться в обществе его учительницы, скорей бы очередное занятие... Андрей понимал, какая пропасть между ним и Райдел. Она гражданка США, а он рекрут... Если быть точнее — раб-рекрут из штурмового батальона 73-го полка.

Комендор-сержант Зак Дюбува часто повторял, что раб-рекрут отличается от раба-рядового тем, что первый — это тупое дерьмо, а второй с гордостью и радостью умрет ради славы морской пехоты. Счастливики получают полугражданство, а один-два любимчика Девы Марии дослужатся до гражданства. Француз переходил на официальный тон, заявляя, что гражданство — это полная инкорпорация в общество. Затем, словно не в силах продолжать монолог заумными словами, всегда спрашивал, есть ли во взводе любимчики Богоматери?

— Снежок! — не унимался Дюбува. — Ты у нас любимчик Девы Марии?

— Нет, сэр! — гаркнул чернокожий. Его звали Рей Бридж, и он официально был боевым товарищем Ливадова.

Дрилл-инструкторы назначили напарника каждому рекруту. Боевой товарищ будет тащить тебя на себе, если тебя угораздит получить ранение или сдохнуть. Понесет твоё оружие, если ты не сможешь его поднять. Он будет корректировать твой огонь, если это потребуется; он будет подносить тебе патроны, если в вашей паре ты, например, окажешься за пулеметом, и наоборот. Боевой товарищ храпит на нижнем или верхнем ярусе вашей койки, а за косяки одного из двух напарников отвечают оба. Когда залет случался у двух одновременно, сержанты всегда наказывали обоих в двойном размере.

Отношения с Бриджем у Андрея не заладились. Пока Ливадов не владел языком, и поэтому, по одному из любимых выражений Француза, был как тупой кусок самой тупой тупизны, он нахватал множество косяков, за которые вместе с ним отдувался и негр. Снежок теперь смотрел на напарника без прежнего дружелюбия, да плевать на него.

— Хорек!

— Да, сэр!

Дюбува сдвинулся влево от Андрея, обратив свой гнев на следующего рекрута в строю из одинаковых обритух человек в темно-зеленой однотонной мешковатой форме; головы от палящего солнца прикрывали кепки, на ногах черные тяжелые ботинки. Следующим был латиноамериканец, с которым Ливадов тоже впервые повстречался в медбоксе. Ливадов тогда прозвал его Крысенышем, и получилось, что его впечатление недалеко ушло от мыслей комендор-сержанта. Настоящее имя Хорька было до банальности простым, его звали Родриго Гомес. Обычно он держался четверки других латиносов, но в строю место Хорька было слева от Русского.

Во взводе образовалась еще одна группировка, их Андрей называл «тевтонцами». Когда рядом не было никого из дриллов, бывшие бойцы ЧВК, а ныне тоже рабы-рекруты, держались подчеркнута отдельно от остальных, и пару раз им за это крепко влетело от дриллов. Как сказал сержант Уолтер Мэд, особенные бегут кросс на две мили дольше. Выяснилось, что для бойцов разгромленной ЧВК двойная дистанция не была тяжелым наказанием, поэтому в следующий раз комендор-сержант Дюбува проучил их болью, однако они упрямо избегали общения с другими рекрутами.

Не сказать что это кого-то задевало, всем было глубоко наплевать на остальных, кучковались лишь «тевтонцы» и латиносы. Некоторые, конечно, общались меж собой больше, чем

с прочими, но дружбой это тоже не назовешь. По крайней мере со стороны. Андрей, который долго оставался в языковой изоляции, не успел завести с кем-нибудь приятельские отношения.

— Да, сэр!

Ливадов вздрогнул. Он задумался, и пропустил вопрос, который старший дрилл-инструктор задал Хорьку, а ведь мог касаться и его. Но обошлось, и хорошо, что никто не увидел, что Андрей дернулся. Этим он выдал бы себя с головой: позволил себе быть невнимательным!

— Сержант Кларкс сказал, что ты, Хорек, часто сбивался с темпа во время строевой подготовки. Тебе ногу подстрелили? Или задницу?

— Нет, сэр!

— Может, ты у нас самый умный?

— Нет, сэр!

— Что же случилось? Отвечай!

— Ботинок натер ногу!

— Серьезно? — Дюбува отступил от рекрута на два шага и, скривив загорелую рожу, окинул его изучающим взглядом. — Почему же ты не обратился к сержанту Кларксу за медицинской помощью? У него в аптечке всегда пластырь найдется. Отвечай!

— Не знаю, сэр!

— А я знаю! Нет, Хорек, ты не умник! Ты тупой кусок самой тупой тупизны!

Ливадов снова усмехнулся про себя. Почему-то забавляет любимая фразочка комендор-сержанта Дюбува.

— Ты понял, что ты тупой? — старший дрилл-инструктор шагнул к Хорьку и ткнул ему в грудь указательным пальцем. — Отвечай!

— Да, сэр! Рекрут Гомес понял!

— Кто ты?

— Я тупой кусок самой тупой тупизны, сэр!

— Хорошо, что ты это понимаешь, Хорек! — сказал Француз.

Оставив Гомеса в покое, он прошелся вдоль строя рекрутов, бросая на них свирепые взгляды и громко сопя. Потом крутанулся на каблуках, чтоб обратиться к третьему дрилл-инструктору.

— Сержант Мэд! Забирайте это стадо тупых обезьян! У них обед. Отведите их в столовую!

Кормили рекрутов хорошо. Даже преотлично! К этому у Андрея не было никаких претензий, да и вообще лучше снова тянуть армейскую лямку, второй раз в его жизни, чем таскать мешки с цементом. Участь говорящей собственности в распоряжении сдохнувшего Джонса... Сука, как вспомнится Рамирес и его ошейник.... Короче, быть рабом миссионера-путешественника и, блин, блогера, тоже не прельщает.

Тогда у него получилось довольно быстро освободиться из плена, но убежал недалеко. Да и какие были у него перспективы в случае удачного побега? Шляться по мертвому Ярославлю, пока не разорвут на части мертвяки или не повезет наткнуться на людей? Люди в прекрасном новом мире не намного лучше зомбаков.

Судьба закинула Ливадова в рекруты. Сейчас он раб, но совершенно неожиданно выяснилось, что служба в морской пехоте может принести даже гражданство. Заслужи гражданство кровью! Так им твердят инструкторы, ведь штурмовой батальон схож со штрафбатом, где прежние преступления тоже смывались кровью.

Во взводе все рабы. Все родились в Синем секторе, и половина из них когда-то были полугражданами и даже гражданами. Совершение преступлений лишило свободы — в основном это была неоплата счетов, а вина «тевтонцев» заключалась в том, что не вовремя оказа-

лись не в том месте. Но у всех без исключения появился шанс! Маршируя в столовую, Андрей думал, что глупо не попытаться воспользоваться представившейся возможностью.

После обеда взвод направился в казарму, чтоб получить в оружейной комнате личное оружие, универсальные штурмовые винтовки «125СN», и затем легким бегом — на поле для строевой подготовки. К просторной площадке с идеально постриженным зеленым газоном. Две недели назад Ливадов не мог представить, что строевому шагу можно учить на траве, однако их построили, и началось первое занятие.

Было смешно: учили ходить так, словно они заторможенные беременные тараканы. Но Андрей не показывал виду, что ему весело. Он молчал и постигал строевой шаг американской армии. Зато уже с третьего занятия все рекруты получили свою личную винтовку, и все следующие дни строевая проходила только с оружием в руках. Такой порядок Ливадову по душе, ему нравилась тяжесть оружия в руках, и пофиг, что пустой магазин. Индикатор всегда показывал ноль.

— Теперь у самого последнего задрота из вас есть девушка! — третий дрилл-инструктор смотрел на взвод злыми глазами. — Если не научитесь с ней обращаться лучше, чем со своим естеством, она подведет в самый неподходящий момент. Учитесь, тупые обезьяны, обращаться с оружием, а кто не доставит винтовке удовольствие, вдоволь натрахается на физкультуре. Это я, сержант Мэд, обещаю вам!

Они учились. Маршировка и приемы обращения с оружием постоянно прерывались отжиманием, потому что сегодня Уолтер Мэд, по прозвищу Бешеный, явно не в духе. Его настроение смягчилось только к вечеру, когда взвод благополучно сдал винтовки в оружейку. После ужина сержанта Мэда сменил сержант Кларкс. Глядя на взводных инструкторов, Андрею иногда казалось, что они братья-близнецы. Только комендор-сержант Зак Дюбува возрастом старше, ему под сорок, а двум другим на пяток лет меньше, но в остальном как под копирку сделаны.

— Урока по языку сегодня не будет, — произнес Кларкс, когда прохаживался вдоль строя рекрутов и оказался рядом с Ливадовым. — Ты понял?

— Да, сэр! — воскликнул Андрей.

Жаль, что не увидит красотку-медика, зато появится время подтянуть знание устава. В личное время рекрутам полагалось заниматься теорией, а не шататься по казарме, как идиотам. Впрочем, в отсутствие инструкторов этим обычно и занимались. По крайней мере, именно это видел Ливадов, когда отправлялся в медбокс, в кабинет капрала Райдел.

Этим вечером он читал устав. Продвижение по страницам шло непросто, недостаточное владение языком давало о себе знать.

— Надо поговорить, — над Андреем навис его боевой товарищ, негр Рей Бридж. — Выйдем.

Ливадов отложил брошюру и посмотрел на негра. Бридж был трусоват, и чуть ли не до заикания боялся взводных инструкторов. Но вот собрался выяснить отношения? Значит, сержантов нет ни в казарме, ни где-нибудь поблизости.

— Ты уверен? — спросил Андрей. Внутри него проснулась злость. Чего нужно этому рыхлотелому? Ливадов был уверен, что легко уделает чернокожего.

— Пошли, — буркнул негр.

— Ну, пошли.

Бридж повел Андрея в душевую. Куда ж еще, самое место для выяснения отношений. Дойдя до нужной двери, негр пропустил Андрея вперед. Внутри уже ждали — Хорек и четыре других латиноса, с которыми сговорился Снежок.

Глава 6. ТРЕВОГА

— Рота! Подъем! — во взводную палатку влетел сержант Горгуа.

Вскочивший со стула сонный дневальный вытянулся, чуть не опрокинув информационный стенд за спиной, и заорал:

— Рота! Подъем!

Женька уселась на кровати. Не проснувшись окончательно, действуя на автомате, но команду выполнила.

— Две минуты на построение! — сержант люто зыркнул на дневального и выскочил из палатки.

Две минуты? Более чем достаточно! Ливадова кинулась к вещам: быстро натянула носки, впрыгнула в штаны, защелкнула пряжку на брезентовом ремне. Теперь берцы! Сверху куртка, а на голову кепку. Волосы стянуты в узел на затылке. Рядовой Ливадова полностью оделась за одну минуту — немыслимо для прежней Женьки на гражданке — и рванула из палатки навстречу ночной прохладе и построению.

Вторая рота учебного батальона построилась перед двумя взводными палатками, четко уложившись в отведенные минуты. После двух недель перед присягой выполнить этот норматив не составляло никакого труда. Даже глубокой ночью, как сейчас.

— Равняйсь! — скомандовал майор Моров.

Подле него замерли командиры взводов сержанты Дорохов и Горгуа, старшина роты старший сержант Кусков и три незнакомых офицера. Фонари на столбах между палатками давали много света, и звездочки на погонах виднелись четко. Два старших лейтенанта и капитан. Все офицеры, включая командира роты майора Морова, были в полевой форме: вместо полуботинок, отглаженных брюк со стрелочками, кителей и фуражек — такие же комки, берцы и кепки, как у рядовых. Только погоны, конечно, отличаются.

— Смирно!

Женька повернула голову, уставившись перед собой, и с трудом сдержала зевету. Спать-то хочется... Сколько сейчас — два, три часа ночи? Вчера после присяги всем гражданам деблокировали информационную систему, но комвзвода сообщил, что только до отбоя. Женька вырубилась, едва коснулась подушки, и вместе с ней уснул нетчил, поэтому не могла посмотреть, который час. По ощущениям — глубокая ночь. Зачем их подняли? Ведь все слышали обещание Мора не трогать личный состав до утра. Что опять взбрело в голову отцам-командирам?

Со стороны военного городка зазвучала сирена. Основное расположение полка отделено от палаток учебного батальона довольно широким полем, у края которого около ангаров с техникой начинается взлетно-посадочная площадка, и здесь сирена звучала приглушенно.

— Учебно-боевая тревога! — объявил майор Моров. — Вторая рота учебного батальона немедленно выдвигается на позиции, координаты которых доведены до новых командиров взводов.

Вчера после присяги личный состав предупредили, что с завтрашнего дня командование первым и вторым взводом примут офицеры. Их должны были представить утром, однако в планах что-то изменилось. Ливадова покосилась на бесстрастные физиономии боевых товарищей, стоящих с ней в одном строю. Они тоже задаются вопросом, почему представление их новых командиров назначали среди ночи, или им это безразлично?

— Старший лейтенант Комаров принимает командование первым взводом.

Один из офицеров сделал шаг вперед.

— Старший лейтенант Еременко принимает командование вторым взводом.

Ее взвод! Офицер, который замер рядом с первым старшим лейтенантом, в свете фонарей казался очень похожим на прочих Женькиных командиров. У всех одинаковые каменные лица, телосложением и ростом тоже схожи.

— Капитан Радулов, — майор представил третьего офицера, — заместитель командира роты.

Моров затем довел до личного состава информацию, что сержанты Дорохов и Горгуа с нуля часов ноль-ноль минут теперь заместители командиров взводов. Горгуля остался во втором взводе, Дорохов — в первом. Старший сержант Кусков сохранил должность старшины роты.

Комроты, замкомроты и старшина удалились, и командиры взводов развели вверенные подразделения на сто метров в противоположные стороны.

— Вольно! — скомандовал старший лейтенант Еременко.

Команды «Разойтись!» не последовало и строй не распался, но и так неплохо, можно чуть расслабиться, переминаться с ноги на ногу.

Старший лейтенант оглядел вверенный взвод и представился. Ничего особенного, Дмитрий Петрович Еременко, не женат, не привлекался, не состоял... и несколько подобных ничего не значащих и пустых для рядового фраз. Что бы ни рассказал о себе старлей, его назначение командиром второго взвода не отменится, и потому краткая биография нового начальника почти не интересна рядовым. Ну разве что он сболтнет нечто за рамками разумного... однако новый командир взвода сумасшедшим не оказался.

— Сейчас сержант Горгуа назовет фамилии с распределением по отделениям. Первое отделение — пять шагов вперед! — командир взвода говорил четким командным голосом, чеканя каждое слово. — Второе отделение — три шага вперед! Третьему отделению стоять на месте!

— Рядовой Бастрюков! — начал замкомвзвода.

— Я! — гаркнул Антон Бастрюков.

Он не нравился Женьке из-за постоянно бегающего взгляда черных глаз, а еще из-за неприкрытой наглости и язвительности. Был явно не дурак, и любое положение стремился использовать в свою пользу.

— Пять шагов вперед! — скомандовал Горгуля.

Рядовой вышел из строя и остановился на одной невидимой линии с замкомвзвода.

— Рядовой Бастрюков назначается командиром первого отделения!

Распределение по отделениям произвели быстро. Женька попала в первое, и вместе с ней в первом отделении — Тамара Тагилова. Наташка Большова — во втором, Сашка Грибанова — в третьем.

Сирена в городке завывала снова. Ливадова поежилась: то ли от прохлады, то ли от беспокойства. Но чего бояться? Моров же сообщил, что тревога учебно-боевая, и здесь ключевое слово — «учебная». Однако в расположении полка тревога явно нешуточная. Мелькание огней меж корпусами городка создает впечатление, что в ружье поднят весь полк.

— Полетели... — прошептал Антон Карха по прозвищу Картоха, который стоял слева в строю. Ливадова взглянула на взлетно-посадочную площадку, откуда в черное ночное небо ушли мигающие огнями пять бортов.

Издаലെка, ночью — не понять, какие там машины; впрочем, рядовому Ливадовой это знать без надобности. Второй взвод перестроился в общую колонну и вслед за первым взводом направился к оружейной комнате, роль которой выполнял бронированный грузовик. Когда подходили к нему, подъехал второй точно такой же бронированный кунг.

Личный состав второй роты выстроился около грузовиков. Майор Моров уж здесь, и вместе с ним капитан Радулов и старший сержант Кусков.

— Вольно!

Командиры взводов почти одновременно произнесли команды и доложились командиру роту. Окинув тяжелым взглядом личный состав, майор Моров направился к офицеру и сержантам тыловой службы: они ждали у распахнутых створок кузовов в задней части броневиков.

— Снаряжение по форме номер три? — уточнил майор.

— Так точно, — ответил старший лейтенант тыловой службы. — По форме номер три.

Безмолвные рядовые, кто услышали вопрос Мора и ответ, переглянулись. Снаряжение по форме номер три означает легкую боевую экипировку без экзоброни.

Неужели сейчас выдадут оружие и магазины с летальными патронами? Женьке не очень-то верилось в это — еще до присяги каждый из них научился собирать и разбирать автомат, стрелять из него и метать гранаты, но патроны были только холостыми, а гранаты — учебными в виде муляжа. Однако и она, и остальные отчетливо слышали про снаряжение по форме номер три.

Скоро все прояснится... и прояснилось. Подгоняемые своими старлеями и сержантами рядовые начали получать от тыловиков оружие и снаряжение — именно его подвез второй грузовик. Процесс контролировался лично Мором, Куском и капитаном Радуловым, который еще не получил среди рядовых прозвище. Все трое были необычайно мрачны, и каждый рядовой отчетливо понимал, что лучше не тупить, а делать все необходимое четко и быстро.

Снаряжение по форме номер три действительно оказалось таковым — никто не ослышался и ничего не перепутал. Женька и остальные сначала получили крупнокалиберные автоматы АК-233, затем интендант из второго грузовика выдал ей бронезилет с разгрузкой, у которого «над сердцем» уже была нашивка с ее фамилией и инициалами. В восьми подсумках — восемь магазинов.

— Магазины полные, — сообщил при выдаче каждого бронезилета сержант тыловой службы, — с боевыми патронами.

В девятом подсумке — аптечка, а в десятом, самом большом — плоская фляга с водой. Еще в шести маленьких подсумках гранты овальной формы с оребрением — пять противопехотных осколочных для поражения живой силы противника без экзоброни, и одна дымовая граната. Против экзоброни работают крупнокалиберными автоматами.

Снаряжение дополнили наколенники, многофункциональный нож для крепления на пояском ремне и обтянутый камуфлированной тканью ШП-5 — шлем полнофункциональный пятой модели со встроенной системой связи, а также опускающимся визором, который в случае необходимости выполнял функции прибора ночного видения и вместо нетчипа выводил на внутреннюю поверхность любую тактическую информацию. Да и просто защищал лицо от пыли, дождя и мелких осколков.

Последним элементом выдавался свернутый в рулон спальный мешок, он крепился на бронезилете за плечами. Как поясняли на теоретических занятиях сержанты, спальник полностью непроницаем для воды и ветра, утеплен, в нем можно спокойно спать прямо на земле при температуре до минус пяти. В положении для стрельбы лежа развернутый спальный мешок размещается под бойцом во избежание переохлаждения.

Женька хмыкнула. Слова Горгульи о спальнике запомнились ей дословно, а голос сержанта звучал сейчас в голове, словно он опять втолковывает это. Про элементы легкого снаряжения новобранцам до присяги только рассказывали да показывали деморолики, такого объема информации было достаточно. Присягу приняли только вчера, и личный состав учебного взвода до этой ночи не получал снаряжение по третьей форме. Поэтому даже интересно, каково нацепить на себя все, что получили сейчас.

Сержант Горгуа обещал, что выдадут этот комплект снаряжения в конце недели, когда отправятся на стрельбище, но планы командования резко поменялись. Почему сейчас получили боевое снаряжение? Неужели все настолько серьезно? Что случилось? Ливадова посмот-

рела на взлетно-посадочную площадку, откуда в ночное небо ушли еще несколько бортов. В военном городке суэта тоже не стихает...

— Командирам взводов проверить боекомплект! — приказал майор Моров. Офицеры и сержанты роты тоже в снаряжении по форме номер три, и на их плечах также висят крупнокалиберные автоматы.

Тыловики только что завершили выдачу оружия и комплектов снаряжения. Личный состав снова был построен повзводно в две шеренги.

— Первая шеренга — три шага вперед! — приказал командир взвода.

Полтора десятка человек, включая Ливадову, слитным шагом сдвинулись вперед.

— Сержант, проверьте вторую шеренгу! — скомандовал старший лейтенант Еременко.

Командир взвода двигался вдоль первой шеренги, замкомвзвода — вдоль второй. Рядовые поочередно демонстрировали магазины, и на каждом из них индикатор должен был показывать тридцать два патрона. Затем проверялось наличие ножа, гранат, фляги с водой и комплектность аптечки, одновременно командиры поправляли на бойцах снаряжение.

Бронежилеты, разгрузки, шлемы и наколенники изначально подбирались тыловиками под биометрию каждого рядового. Но все равно приходилось поправлять снаряжение буквально у каждого бойца. Осмотр занял немало времени, но, наконец, с ним было закончено, и прозвучала команда капитана Радулова:

— Рота! Смирно! Равнение на середину!

Замкомроты приложил руку к надетому шлему, подошел к майору Морову и доложил, что вторая рота учебного батальона построена. Затем сделал шаг влево и пропустил командира роты вперед.

— Вольно, — произнес Моров. Он тоже в шлеме.

— Вольно! — криком приказал капитан Радулов.

— Довожу до вас обстановку, — громким командным голосом начал Моров. — Перед отбоем вы находились в учебной обстановке. Сейчас она учебно-боевая. Вы получили снаряжение по форме номер три и боекомплект с боевыми патронами и гранатами.

Майор обвел взором роту.

— Аптечка тоже настоящая, — Моров мрачно усмехнулся, — для применения в боевых условиях. Вдруг кому-нибудь ногу оторвет или голову...

Командир роты замолк на пару секунд, чтобы личный состав оценил шутку. Однако смеяться не разрешалось, и никто не выдал себя ухмылкой или смехом. Моров удовлетворенно кивнул.

— Командование полка получило директиву о террористической угрозе, — продолжил он. — В пять сорок возможна бомбовая атака на расположение полка. Поэтому в полку объявлена боевая тревога, в учебной части — учебно-боевая. За вероятным нападением стоят террористы из Красного Авангарда.

Женька удивленно вскинула брови. Красный Авангард? Что за террористы такие, чья атака представляет угрозу целому десантно-штурмовому полку? Красный Аванград... Ливадова слышала это название раньше. Водитель... Дмитрий... Он был за рулем, когда вздумалось посетить сектор для рабов в Красноярске... Они попали в эпицентр прорыва — вооруженной атаки на блокпост полиции у выезда из сектора. Тогда в дело шли переносные ракетные комплексы, а вооруженные террористы были в экзоброне — облегченной полицейской, но все же в экзосистемах и с крупнокалиберными автоматами.

Если за тем прорывом в город из изолированного от всех других районов сектора стояли террористы из Красного Аванграда, то, пожалуй, они способны нанести урон и расположению полка. Женька чудом выжила в тот день; до сих пор не верится, что цела, а водитель Дмитрий погиб. Он погиб, прикрывая пассажирку такси, и перед смертью попросил ее связаться с Красным Авангардом. С террористами!

Об этой просьбе Ливадова никому не рассказывала. Ума хватило, и впредь тем более будет молчать. Но надо ж ей было получить совет... найти террористов! Наверное, Дмитрий решил, что раз Женька сочувствует рабам и негражданам, то готова бороться за их светлое будущее и вступить в ряды террористов. А ей бы только не потерять гражданство, найти брата и вернуться домой в двадцать первый век... Зато террористы, вместе со своими бомбами, сами почти нашли Женьку.

— Вероятность атаки на расположение полка расценивается как невысокая, — майор Мороз заканчивал ознакомление личного состава с оперативной обстановкой, — но угроза реальна. Сами понимаете, не дети уже, что наиболее удобной целью для осколочного поражения является палаточный лагерь учебного батальона.

Комроты замолк, выдержал паузу и продолжил, его голос неожиданно смягчился. На самую малость, однако Женьке послышалось в нем что-то человеческое.

— Ваши палатки — это наиболее оптимальная цель, поэтому вторая рота учебного батальона в полном составе выдвигается на стрельбище.

Стрельбище — это часть полкового полигона, что примерно в пяти километрах отсюда. Если не будет марш-броска, то есть бега с полной выкладкой, которую то ли по недоразумению, то ли с издевкой называют легкой боевой экипировкой, то пройдут пять километров за час. А если последует команда бежать, то будет непросто. Ливадова уже сейчас оценила всю «легкость» снаряжения и оружия.

— Полигон оборудован инженерными системами для укрытия личного состава от огня противника, — командир роты закончил с вводной частью и приказал начать марш.

Опасения Женьки не сбылись — бежать им не пришлось, отчего она чувствовала огромную благодарность командиру, и это пугало ее, без шуток: в армии только третью неделю, а уже готова плясать перед Морозом на задних лапках только за то, что не заставил роту бежать!..

Евгения выругалась, и далеко не все сдержала в себе. На нее покосились, но поблизости только такие же рядовые, как она — стучать в роту не принято, да и про что стучать? Рядовая Ливадова ругается матом? Бред! Женька улыбнулась, представив, как глупо выглядел бы стучач, рассказывая про ее словечки. Но все равно хорошо, что сержант Горгуа находится в хвосте взводной колонны, а старший лейтенант — впереди, и потому не услышали ничего лишнего.

До полигона и стрельбища добрались быстро, примерно за час. Поначалу обстановка была спокойна, ситуация не предвещала происшествий... но, как водится, пушистый зверек подкрался незаметно.

Глава 7. КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ

Первым получил Бридж, он оказался сзади, и потому Андрей сразу вывел его из строя, как потенциально самого опасного. Резкий удар локтем в грудь — негр захрипел, пуча глаза, а в следующий миг Ливадов перекинул его через себя. Снежок ухнул на спину и ударился головой о плитку пола. Дернулся и, захрипев, вдруг затих.

Хорек и четыре других латиноса уставились на Снежка, а потом, переглядываясь, затараторили на своем непонятном языке. Латиносы подарили ему несколько секунд перед неизбежной дракой. Андрей перевел дух, он не собирался убегать. Если сейчас убежишь, догонят в другой раз или удавят во сне. Но так хоть с тыла никто не зайдет — Ливадов попятился к дверному проходу, чтоб никто не кинулся ему за спину.

А Снежок по-прежнему не шевелился.

— Помер, что ли?.. — пробормотал Андрей, толкнув носком ботинка плечо боевого товарища, который ему совсем не товарищ. Бридж заманил в душевую, чтобы проучить за первые дни, когда ни черта не понимая, не зная языка, Ливадов постоянно тупил, но получали обычно вместе: Андрей и его чернокожий напарник, который все так же бездыханно лежит на полу.

Проверить бы его пульс, только нельзя. Латиносы таращатся исподлобья и сжимают кулаки... А! Понеслась... Ближний упырь без предупреждения кинулся на Ливадова, выбросив вперед кулак, чтобы свернуть Русскому челюсть. Андрей сдвинулся в сторону, уходя от удара, и перехватил руку противника болевым приемом. Тот взвыл; Андрей выворачивал захваченную конечность, одновременно прикрываясь первым противником от остальных, а незадачливый латинос прыгал перед Ливадовым на цыпочках.

Андрей толкнул его от себя и перешагнул через неподвижное тело негра. Все как учили в разведке! Он не забыл уроки из прошлого, из своей настоящей жизни. Легко уделывает противников, которые в лучшем случае просто местная гопота. «Духи» в горах Дагестана были гораздо злее и опаснее, чем эти... уроды.

Хорек и трое других подошли ближе, почти вплотную, и Андрей резко дернул захваченной в болевой прием рукой, отчего пленник взвыл раненным зверем. Ливадов отпустил его, одновременно метнувшись к следующему латиносу. Тот не успел среагировать и получил удар в солнечное сплетение, выбивший из реальности на несколько секунд. Андрею хватило и мгновения, чтобы вмазать согнувшему упырю коленом в лицо и вывести его из драки окончательно.

Ливадов видел трех других и контролировал их... почти: долговязый тип хорошо приложил по уху, аж искры из глаз посыпались... но тут же получил по носу и сразу отскочил назад, к Хорьку и еще одному латиносу. Хорек отчаянно лаял на незнакомом языке и размахивал руками. За главного он, что ли? Ливадов зло посмотрел на Хорька. Глазки-то крысиные бегают... но ничего — Андрей и до него доберется!

— А ну разошлись!

В дверях появился разъяренный Дюбува. Старший дрилл-инструктор влетел в душевую и остановился перед неподвижным Снежком. Следом за ним вошли сержанты Мэд и Кларкс, и у обоих в руках электрошокеры. Зачем им это, когда они могут преподать хороший урок при помощи черного ремешка на запястье каждого рекрута?..

— Разошлись, тупые уроды! — заорал комендор-сержант Дюбува. — Кому сказал, разойдись!

Дюбува вскинул в сторону Андрея руку. Блеснула вспышка, и Ливадов погрузился в темноту и тишину... А когда очнулся... когда и где он очнулся?.. Заморгав, Андрей смотрел на серый потолок с квадратной гудящей лампой на нем.

Стены тоже серые, в тон потолку, и все остальное вокруг Андрея — в том же унылом цвете, включая бетонный прямоугольник, застеленный матрасом, на котором лежал Ливадов. Подушки нет, простыни или хоть какого-нибудь пледа или одеяла тоже нет. Только матрас метр на два, полностью укрывающий бетонный постамент.

— Это кровать у них тут такая?.. — морщась от головной боли, пробормотал Андрей, и свесил с бетонного возвышения босые ноги.

Сквозь тонкую синтетику носков чувствовался холод. Бетон, на котором лежал матрас, и плитка пола — ледяные. Андрей пощупал тонкий матрас. Как холод-то не пропускает? Поежился; зябко здесь.

Он в карцере. Глухое помещение шагов на десять в длину и пять в ширину. Ближе к левому углу в противоположной стене угадывается дверной проем: его почти не видно, дверь очень плотно прилегает к откосам стены. Справа сортир в виде дырки в полу, а рядом раковина, над которой торчит изогнутая книзу трубка для воды. Краника или кнопки, которые пустят воду, не видно. Наверное, она сама бежит, когда заносишь руки над раковиной.

Ботинки рядом, стоят у изголовья. Андрей всунул в них ноги, чтобы хоть чем-то занять себя. Тоска... Ничего не происходит. Ничего не слышно, кроме гудения лампы. Если застрял здесь надолго, это гудение сведет с ума. Он основательно выругался.

И голова раскалывается! Скорее всего, последствия выстрела, который вырубил его. Андрей провел рукой по ежику на голове — за две недели в учебном взводе волосы начали отрастать.

— Черт! — вырвалось у Ливадова.

Рука коснулась уха, на котором последнее время всегда была гарнитура для переговоров с капралом Райдел. Но гарнитуры нет! Андрей мрачно воззрился на собственную ладонь. Заточение в карцер может означать, что его имя вычеркнули из списка рабов-рекрутов, и оттого обучать языку более нет необходимости.

В учебном взводе у него появились планы на будущее. Не хочется думать, что все было зря, а мечта отыскать когда-нибудь Женьку так и останется призрачной надеждой...

— Хватит ныть! — сквозь зубы процедил Андрей.

Он злился, чтобы взбодрится. Злость обычно помогает, когда нужно растормошить себя, и сейчас тоже поможет, но мысли все равно возвращаются к одному и тому же. Андрей постоянно прокручивал в голове драку в душевой — и то, что ей предшествовало, и последнее, что он помнил. Скинутый пистолет Дюбува и выстрел.

Чем его отключили? Зачем пичкать химией, когда есть чертов браслет на запястье? Ливадов с ненавистью посмотрел на черный пластиковый ремешок и в очередной раз подергал его с пустой надеждой, что тот порвется.

Не порвался... и нечего пальцы резать пластиком. Ливадов снова произнес несколько крепких словечек. Лучше бы сержанты отделили через этот ремешок — у дриллов всегда на руках металлические браслеты, что так похожи на часы из его времени. Браслеты сержантов синхронизированы с ремешками на запястьях рекрутов, и это весьма убедительное средство для поддержания дисциплины... Андрей вспомнил, как сожгли нервную систему рекруту, который додумался плюнуть в сторону офицера...

Однако ж его засадили в камеру со сводящим с ума гудением лампы. Два века минуло, а лампы все так же гудят! Андрей страдальчески скривился. Башка трещит, лампа гудит... Этот звук развалит ему черепушку, если раньше не сведет с ума.

Но все же... Почему он здесь? Неужели все-таки убил Снежка? Андрей помял тыльной стороной ладони правую щеку, провел рукой по глазу и растер лоб — чтобы мысли лучше шевелились. Убил он или не убил Бриджа? Кажется, убил, ведь иначе не сидел бы в одиночной камере!..

Ясное дело. Он здесь, пока не соберется трибунал. Ни в одной нормальной армии прошлого или будущего не потерпят трупов после разборок личного состава. Ливадова ждет суд, но офицеры — или кто будет заседать в трибунале — по первому свистку ради дела очередного тупого раба-рекрута не соберутся, и вот приходится ждать.

— Эх... — вздохнул Андрей.

Трибунал ему светит, это уж точно. Без трибунала просто отделали бы дрилл-инструкторы, а затем объявили рекруту, что отправляется в изолятор на такое-то количество дней — на том все и закончилось бы. Ну разве что со Снежком да Хорьком и его латиносами когда-нибудь снова сцепился бы, но не сейчас... Однако в него выстрелили спецсредством и засадили в одиночную камеру, чтобы ждал трибунала, а трибунал...

Андрей зарычал и вскочил на пол. Трибунал! Если Бридж помер, то что ждать от трибунала? Ливадов оглядывался, сжимая и разжимая кулаки; он искал взглядом, что бы такое разбить, разнести, сломать!.. Но нет ничего, что можно поднять и швырнуть в стену, только матрас... Матрасом даже не удавишься.

За дверью послышались звуки шагов — там должен быть коридор... Кто-то подошел к камере и стал возиться с замком. Андрей успокоился, злость оставила его. Вернулся на заменяющий кровать бетонный куб, накрытый матрасом, и уставился на дверь, которая открылась через две или три секунды.

Вошли два морпеха. Андрей не помнил этих физиономий с тяжелыми квадратными челюстями; впрочем, на базе корпуса морской пехоты постоянно находилось несколько тысяч вояк, и Ливадов не мог знать всех. Особенно из персонала изолятора, здание которого располагалось в дальнем углу базы. Конечно, дрилл-инструкторы частенько вспоминали про изолятор и заявляли, что визит туда скорее всего завершит карьеру тупого рекрута, а, может, не только карьеру; и вот Андрей теперь здесь.

Сразу бросились в глаза белые портупее с пристегнутой кобурой, из которых торчали рукоятки пистолетов. Да уж, все очень серьезно; еще и руку обожгло болью. Сигнал подчиняться и быть внимательным!

— Встать! — крикнул морпех с капральскими лычками на погонах, он вошел первым. Правая лапа капрала лежала на стальном напоминающем часы браслете. — Быстро! Лицом к стене у клозета!

Не церемонятся! Андрей не успел сообразить, что делает, но ноги сами подвели к стене, на которую указал капрал. Суки... Выдрессировали его!

— Кругом! — приказал тюремщик.

Ливадов крутанулся на каблуках, увидев на матрасе плоскую картонную коробку, которую раскрыл второй вошедший камеру тюремщик: в звании рядового, по виду никогда не был в рабах. Роба откормленная, холеная. Давненько он в корпусе морской пехоты — успел хорошо отгьестся.

— Рекрут Ливадов! — гаркнул капрал.

Он обращался к арестанту по уставу. В изоляторе не существует прозвищ.

— Да, сэр! — Андрей вытянулся, словно был в строю.

— Тебе принесли обед! Через пятнадцать минут я и рядовой Ротс вернемся, чтобы забрать коробку. Ты должен есть! Если откажешься от еды, будешь подвергнут внутривенному питанию. Ты понял?

— Да, сэр! Рекрут Ливадов понял!

— Мы уходим! Ты досчитываешь до десяти и приступаешь к обеду!

Дверь щелкнула замком. Оставшись один, Андрей мысленно досчитал до десяти и только после этого уселся перед картонной коробкой. В ней все тоже было из картона, бумаги и фольги, даже ложка. Если ткнуть такой, то сразу сомнется без причинения вреда, но для обеда

ее должно хватить. Ливадов вдруг почувствовал голод, а у него пятнадцать минут на все про все...

В картонной миске, заклеенной сверху фольгой, обнаружился суп: довольно вкусный, обычный суп из столовой, где кормили рекрутов. Еще горячий! На второе были подогретые спагетти с соусом и кусочками мяса — в другой миске. В третьей — зеленый горошек, а в бумажном стаканчике — бурда, которую почему-то называли кофе. В салфетки завернуты три кусочка хлеба.

Обед был сытный. Появилась мысль, что в изоляторе не так уж плохо. Можно посидеть тут пару-тройку дней, если только без трибунала да с подушкой и одеялом. Тогда и гудение лампы не замечалось бы... наверное...

— Встать! — голос капрала вырвал Андрея из раздумий. — К стене!

Снова легкий ожог напомнил Ливадову о его положении, но он не собирался чудить и стоял у стены, пока рядовой забирал картон и бумагу с его матраса.

— Мы уходим! Ты досчитываешь до десяти!

— Разрешите обратиться, сэр!

Андрей сделал попытку выяснить свое ближайшее будущее. Сколько сидеть в изоляторе под гудящей лампой? Хотя бы это узнать!

— Не разрешаю.

Капрал, чье имя и фамилия остались неизвестны, и рядовой Ротс покинули камеру Андрея.

— ... восемь, девять, десять, — досчитал он.

Вздыхнув, Ливадов вернулся к бетонному кубу-лежаку. Свернул матрас с одного края, чтобы сделать подобие подушки, и завалился сверху. Сложил руки на груди, вжал голову в плечи — так не столь зябко — и бездумно уставился на потолок. Впрочем, с таким же успехом можно смотреть и на стены.

Время текло медленно, Андрей не заметил, как задремал.

Проснулся.

— Сколько я продрых? — спросил Ливадов пустоту и ничего не услышал в ответ. Он не знал, день сейчас или ночь. Который час? Единственным способом отсчета времени будут визиты тюремщиков с новой порцией кормежки.

Андрей встал, походил взад-вперед. Снова лег, поднялся. Побродил по камере. Сел, лег, заснул и проснулся. С тоской посмотрел на потолок и гудящую лампу. Не выключается никогда. Чертова лампа сводит с ума! Скоро он снимет ботинок и попытается ее разбить. Плевать на наказание за поврежденное имущество корпуса морской пехоты — лишь бы вырубить лампу! Хоть на несколько часов... Андрей мечтал о сне в темноте и тишине.

— Твари, — вырвалось у него.

Ливадов оскалился, чтоб разразиться чередой ругательств — это немного, что он мог сделать — и замер, услышав за дверью звуки.

— Рекрут Ливадов! К стене! Глаза в пол!

Андрей подчинился, глупо сейчас ерепениться. Замерев у стены, покосился на дверь, прежде чем опустить взор к полу. Вошедшие тюремщики — другие. Двое вошли в камеру, сержант и капрал, с белыми португееями, в кобуре у каждого пистолет. Кто-то еще остался снаружи.

— Руки за спину!

На запястьях Андрея щелкнула сталь наручников.

— Кругом!

Не очень удобно оборачиваться у стены с заведенными за спину руками, но можно. Ливадов повернулся к сержанту, стараясь выдержать на лице бесстрастное выражение и устремленный мимо морпеха взгляд.

— Рекрут Ливадов! — объявил сержант. — Доставляется на заседание военно-полевого трибунала по делу о смерти рекрута Бриджа. Любая попытка к бегству и любое подозрительное поведение будет пресечено летальным воздействием. Все понятно, рекрут Ливадов?

— Да, сэр... — хрипло ответил Андрей. Вот оно что! Снежок умер...

— Не слышу!

— Да, сэр!

Три конвоира повели Ливадова по бесконечно длинному коридору без окон, который освещался такими же лампами, какая была в камере, только без назойливого гудения. Андрей думал, что его выведут из изолятора, и вдохнет уличного воздуха, но трибунал размещался в одном здании с камерами.

Ливадова завели в просторное помещение. С окнами! А за ними яркий день! Андрей глупо ухмыльнулся. Не думал он, что будет радоваться всего лишь солнечному свету за окном. Настолько обрадовался окну, что не сразу заметил за столами на небольшом помосте трех офицеров, а на лавках в другой половине зала — его взводных сержантов: Зака Дюбува, Боба Кларкса и Уолтера Мэда. Лица дрилл-инструкторов были невозмутимы, они совершенно спокойно смотрели на Ливадова и судей трибунала — майора и двух капитанов.

Андрей полагал, что трибунал возглавит командир полка — видел того на присяге, однако обошлось без него и других старших офицеров базы. Ливадова завели в клетку, щелкнул замок. Один из конвоиров остался рядом, два других встали справа и слева от двери в зал, где заседал трибунал.

— Второе января две тысячи двести пятьдесят третьего года. Военно-полевым трибуналом семьдесят третьего полка корпуса морской пехоты слушается дело о смерти раба-рекрута учебного взвода штурмового батальона пехоты Рея Бриджа, — объявил майор. — Процедура ускоренная. Первым обвиняется раб-рекрут указанного подразделения Сергей Ливадов, который подозревается в причинении смерти. Причинение смерти произошло не результате легального наказания от старших должностных лиц и подсудно военному-полевому трибуналу. Встаньте, рекрут!

Андрей поднялся.

— Суть дела вам ясна? — спросил майор. Он председательствовал в заседании трибунала.

— Да, сэр.

— Вы признаете вину?

Ливадов почувствовал на себе взгляд Дюбува. Комендор-сержант был по-прежнему бесстрастен, его лицо ничего не выражало, но Андрею почему-то подумалось, что Дюбува не считает его виновным, да и не был он виновен.

— Не признаю, — сказал Андрей.

— Слово докладчику по делу, — произнес майор.

Капитан слева от него сообщил об обстоятельствах происшествия. Андрей понимал далеко не все, его английского для этого недостаточно, однако основное он уловил и не мог бы утверждать, что докладчик что-нибудь переврал. Потом на широком мониторе напротив клетки обвиняемого включились видеозаписи из душевой. Оказывается, там тоже были камеры, и, к досаде Ливадова, видно, что он ударил первым. Вмазал Снежку и перебросил его через себя, а после этого Бридж не шевелился.

Но на записи было слышно, что и негр, и Хорек угрожали ему и обещали проучить! Андрей надеялся, что это сыграет в его пользу. Он обязательно скажет, когда ему дадут слово! Ему ведь позволят сказать что-нибудь в свою защиту?

— Комендор-сержант Дюбува! — майор обратился к взводному инструктору, когда просмотр записи был окончен.

— Да, сэр! — Француз вскочил и вытянулся перед судьями, как заправский рекрут на построении.

— Вольно, комендор-сержант. Вы все видели и слышали?

— Да, сэр!

— Ваше мнение о виновности раба-рекрута Ливадова?

— Не виновен! Он защищался! Вина за происшествие лежит на инструкторах взвода.

Андрей не верил своим ушам. Дюбува защищает его и берет вину на себя? Это сон?

— Разбирательство по командному составу взвода уже проведено, — сообщил второй капитан, который молчал до настоящего времени. — Свое взыскание вы получили.

— Еще раз спрашиваю, — настаивал на ответе майор. — Комендор-сержант Дюбува, вы считаете раба-рекрута Ливадова виновным в смерти раба-рекрута Рея Бриджа?

— Нет, сэр!

— Садитесь, — велел майор. Потом он опросил сержанта Кларкса и сержанта Мэда, и оба они также заявили о невиновности Ливадова, который был поражен до глубины души. Вот уж от кого, а от дрилл-инструкторов поддержки не ожидал...

Майор и капитаны переглянулись, будто безмолвно переговариваясь. Андрей знал о нет-чипах и решил, что именно так и выйдет общение с их помощью.

— Трибуналу все ясно, — заявил майор. — Слово обвиняемому не дается.

Ливадов опешил. Как так?.. Ему даже пискнуть в свою защиту не позволят?

Судьи трибунала поднялись и вслед за ними со своих мест встали сержанты. Ливадов тоже поднялся.

— Раб-рекрут учебного взвода штурмового батальона семьдесят третьего полка корпуса морской пехоты Андрей Ливадов признается невиновным, так как действовал в пределах самообороны, — сухо сообщил майор. — Уголовное производство в отношении него прекращено.

Андрей был ошарашен. Он не виновен? Это... это...

— Рекрут Ливадов должен быть подвергнут дисциплинарному взысканию, — продолжал майор. — Степень дисциплинарного воздействия определяется старшим дрилл-инструктором взвода. Комендор-сержант Дюбува! Забирайте своего рекрута!

Дверь клетки открылась, Андрей вышел, с него сняли наручники. Оглушенный оправдательным приговором трибунала, Ливадов услышал, как Француз приказал следовать за собой.

— Дело Родриго Гомеса слушается через десять минут! — объявил майор.

Гомес? Это же Хорек! Он и его подручные тоже попали под трибунал? Если Ливадов оправдан, им скорее всего не повезет. Андрей не чувствовал злобы к ним, но и симпатии тоже нет. Черт с ними! Сами нарвались!

— Комендор-сержант! — майор повысил голос. — Выведите рекрута Ливадова из зала трибунала и возвращайтесь!

— Ливадов! Давай за мной! — рыкнул Француз.

Старший дрилл-инструктор снова рычит, и, значит, возвращается жизнь, к которой Андрей прикипел за последние две недели, а с ней и надежды на будущее.

— Да, сэр! — не скрывая радости, воскликнул Ливадов.

Дюбува даже оглянулся и смерил рекрута взглядом, каким частенько смотрел перед тем как обрушить на тупого тупака водопад слюней и ругани. Однако в присутствии трибунала — промолчал.

— За мной! — повторил Дюбува.

Снова коридор изолятора без окон, только двери в стенах и лампы над головой, но дышится гораздо легче. Андрей не боялся смерти, его страшил только рабский ошейник без шансов когда-нибудь обрести свободу и найти Женьку.

Зайдя за угол, встретили Хорька. Три морпеха-тюремщика вели его на новое заседание трибунала. Взор у латиноса был затравленный, он даже не заметил ни Ливадова, ни Дюбува.

Будто тронулся умом... Следуя за комендор-сержантом, Андрей размышлял, сочувствует ли он Хорьку или Снежку, и не находил ответа. Когда выбрались из изолятора, взводный инструктор неожиданно обратился к Андрею без уставщины.

— Держи, — сказал он спокойным тоном, протягивая гарнитуру. — Надень и не снимай. Без нее нейрообучение буксует.

Андрей удивленно смотрел на гарнитуру. Нейрообучение? Что за штука такая? Не потому ли английский стал даваться буквально с первых дней на базе?

— Рекрут Ливадов! — в голосе дрилла прорезалось раздражение. — Забирай гарнитуру и сваливай в казарму взвода. С завтрашнего дня ты командир первого отделения!

Командир отделения?.. Андрей не знал, нужно ли проявлять сейчас служебное рвение и надо ли благодарить за назначение. Лучше держать эмоции при себе.

— Твоя смелость и умения в рукопашном бою произвели на меня впечатление, — добавил Дюбува, — а такое случается редко. Но послушай моего совета — не зазнавайся!

Француз набрал в легкие воздуха и заорал, превратившись в прежнего старшего инструктора:

— Рекрут Русский!

— Я! Сэр!

— В казарму бегом!

Глава 8. В УСИЛЕНИЕ

Рядом грянул выстрел, и тут же раздался девичий крик. Ливадова похолодела. Промелькнул только миг, а Женька успела испугаться и подумать о Томке Тигаловой. В первом отделении второго взвода из девушек лишь она и Женька, и это кричит Тигалова.

Ливадова нашла в себе храбрость обернуться на выстрел и крик, что прозвучали в нескольких шагах от нее. Рядовой Тигалова сидела на земле, прижавшись спиной к стенке габиона. Лицо Тамары было белое как снег, искаженное мукой, отчего стало почти неузнаваемым. По нему ручьем бежали слезы. Девушка тихонько выла, схватившись выше колена за выставленную правую ногу, а рядом на утоптанной земле лежал автомат.

— Всем рядовым оставаться на своих местах! — оживший динамик шлема довел до личного состава приказ командира роты майора Морова.

Женька непроизвольно кивнула и опустила взор на рану. Пуля из АК-233 раздробила ступню, превратив ее в фарш из костей, мяса, крови и ошметков обуви. Полчаса назад вторую роту учебного батальона рассредоточили на полигоне вдоль оборонительной позиции из габионов. Попарно, Женька была вместе с Тигаловой, и сейчас, в данную секунду, рядом никого, кто бы мог помочь раненой, а Ливадова оцепенела.

Только и могла что смотреть на страшную рану, не в силах отвести от нее взгляд и, казалось, что и шевельнуться не способна. Пальцы правой руки мертвой хваткой вцепились в ремень, на котором за плечом висел автомат. Ствол нацелен в землю, оружие на предохранителе — это у Женьки, и так должно было быть у всех рядовых в первом и втором взводах. Но автомат Тигаловой каким-то образом выстрелил.

«Помоги же ей...» — Женька заскрежетала зубами, чтобы сбросить странное оцепление, но так и стояла окаменевшей статуей в нескольких шагах от Тигаловой.

Томка подтянула к себе ногу, согнув в колене. Она попыталась рассмотреть рану, однако лицо перекошило от боли. Тигалова откинула голову на габион и, закрыв глаза, из которых продолжали литься слезы, громко заскулила.

— Рядовой Ливадова!

— Я!

Появление комвзвода и его заместителя вернуло способность двигаться. Только вот вопрос: откуда взялись старший лейтенант Еременко и сержант Горгуа?.. Но что за дурь в голове? Они здесь, потому что им нужно быть здесь.

— Рядовой Ливадова! Принять автомат рядового Тигаловой! — приказал командир взвода.

Евгения подняла оброненный АК-233. Индикатор показывал, что в магазине тридцать один патрон — одного не хватает. Женька перевела переводчик огня с одиночной стрельбы на предохранитель и закинула оружие на левое плечо стволом вниз.

— Тише! Все будет хорошо! Тебя подлатают, — Горгуля присел около Тигаловой.

Расстегнув на подбородке ремень, сержант снимал с головы девушки шлем. Старший лейтенант тоже около раненой. Еременко достал из ее разгрузки аптечку и вскрыл упаковку. Тигалова глядела на командиров и часто-часто моргала, слезы перестали литься из глаз девушки, она больше не скулила, только еще скалилась от боли, но явно стала спокойней. Даже перевела осмысленный взор на Женьку.

— Плазмокровь? — спросил Горгуля.

Командир взвода посмотрел на рану и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Плазмокровь затянет рану, но сейчас это преждевременно.

— Обезболить и перебинтовать ногу?

— Действуйте, сержант, — приказал Еременко и коснулся руки раненой. — Приготовься. Тигалова всхлипнула и кивнула. Горгуа уже приготовил шприц с внушительной иглой.

— Давай шприц, — произнес комвзвода.

Сержант Горгуа передал шприц старшему лейтенанту и взял раненую за руки.

— Смотри на меня, — сказал замкомвзвода.

Еременко выдохнул и уверенным движением вогнал иглу через одежду в правое плечо Тигаловой. Девушка дернулась от жгучей боли, что мгновенно растеклась по мышцам вокруг укола. Могла бы и вырвать шприц из руки командира, если бы не крепкая хватка Горгуа. Пока обезболивающее вводилось внутрь, доставляло мучения похлеще раны. Из глаз Томки вновь хлынули слезы, она дернулась еще раз и обмякла.

— Потеряла сознание, — сообщил Горгуа.

— Такое бывает после обезболивающего, и это значит, что крови потеряла немало, — сказал Еременко. — Сержант, наложите жгут и перебинтуйте рану.

— Есть.

Женька поморщилась. Ее будто не замечают, а она все видит и слышит. Крови действительно много, бедная Томка...

Урча мотором, выбивая из-под колес пыль, подъехал санитарный броневик. Поверх камуфляжа на задней дверце — белый круг с красным крестом. Машина привезла руководство роты: майора Морова и капитана Радулова.

Из задней дверцы выпрыгнули старшина роты сержант Кусков и солдаты из полковой медчасти — рядовой и ефрейтор, на правом рукаве у каждого — большая белая нашивка с красным крестом. Они тоже были снаряжены по форме номер три. Бронежилеты, разгрузка, шлемы, наколенники и прочее; вооружены АК-233. Санитары выгружали из броневика носилки.

— Доложите о происшествии, — командир роты обратился к старшему лейтенанту Еременко.

— Нарушение правил обращения с оружием! Автомат рядовой Тигаловой не был поставлен на предохранитель, в результате чего непроизвольно произведен выстрел. Рядовой получила ранение в ногу.

Мрачный более обычного Моров подошел к Тигаловой, которая по-прежнему была без сознания. Сержант Горгуа уже наложил жгут выше раны и обматывал ступню бинтом поверх берца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.